

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

О Ч Е Р К И 91(4)

А 62

А Б В Г Д Е

СОЧИНЕНІЕ

Ампера.

79988

САИКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

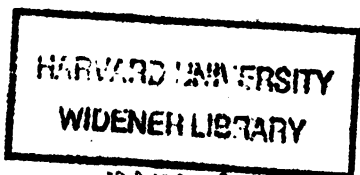
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1835.

КРОБЕРГЪ
1246 К

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
С. Пешербургъ, Января 2 дня 1855 года.

Цицгоръ, В. Семеновъ.

80*2 (511) 5. 909.

О ЧЕРКИ СЪВЕРА.

1.

ПУТЬ ИЗЪ БЕРЛИНА ВЪ КОПЕНГАГЕНЬ.

Предметъ путешествія. — Сѣверная Пруссія. — Переездъ въ Швецію. — Островъ Рюгенъ. — Импадитъ. — Шведскіе нравы. — Теггеръ. — Образъ путешествованія. — Сѣверный городъ въ большой вѣсѣрь. — Копенгагенъ. — Видъ сего города. — Бомбардированіе. — Самодержавное правленіе. — Уступка правъ. — Университетъ. — Исландская литература. — Датскіе Ученые. — Отъездъ.

Я отправился 7-го Іюля 1827 года изъ Берлина, чтобы посетить Швецію, Данію, Норвегію. Я всегда чувствовалъ большое влеченіе къ этимъ странамъ, коимъ намъ, Французамъ, кажутся столь далекими. Я любознательствовалъ поглядѣвъ на величественную, задумчивую природу Сѣвера, посмонравивъ, посреди ихъ пустынь, на Германцевъ неизмѣнившихся, коимъ почти узнавалъ бы Тацивъ. Я зналъ нѣсколько ихъ народныхъ пѣсней, ихъ саги, ихъ древнюю мифологію, и мнѣ хотѣлось познакомиться съ ними поближе. Я зналъ, что въ нихъ новый міръ для науки и воображенія, и я хотѣлъ видѣть вполнѣ міръ.

У воротъ Берлина — пустыня. Невольно удивляешься, встрѣчая посреди песковъ и со-

сень, эпошъ правильный, монументальный городъ; чувствуешь, что мысль всемогущая поставила шупь столицу, какъ лагерь.

Еще до Берлина (*) начинается собственно природа Сѣвера. Безъ постепеннаго перехода, вдругъ всшупаешь въ полосу расшпшенности, покрывающую Скандинавію и Россію. Однажды, близъ Галля, я заснулъ въ спранъ, довольно похожей на ла Бри (la Brîe), и проснулся въ пихшовомъ лѣсу. Пихшпы на горахъ — шо же самое ешп въ Швейцаріи, Овернѣ, Дофинѣ; но пихшпы на равнинѣ и равнинѣ песчаной — эпо сѣверъ Европы. Если бы я опяшь заснулъ и провхаль, во время сна, восемь сошъ лѣъ, я увидѣлъ бы шу же самую природу на берегахъ Оби.

Эпошъ общій видъ Сѣверной Пруссіи измѣнялся шамъ и сямъ нѣкошораго рода оазисами, свѣжими и зеленѣющимися; ихъ образуюшъ мѣспами пруды, обспавленные по берегамъ букомъ, ольхою и березою. Таковъ, напримѣръ, Тегель, прославленный именемъ и пребываніемъ въ немъ Гумбольдшовъ, гдѣ, за нѣскольго лѣъ опъ Берлина, встрѣчаешь пріятное предвкушеніе полуденной Скандинавіи. Тушъ уже ешп озера, споль частыя въ Зеландіи, которыя вдругъ видишь посреди деревьевъ и кошорыхъ неопредѣленные очерки идушъ какъ бы на удачу по почвѣ плоской; шупъ лежалъ обширныя проспраншва воды, смѣшывающіяся съ обширными проспраншвами

(*) Разумѣтся со стороны Франціи.

зелени и на которыхъ какъ бы плавають лѣса, наспоящія сѣверныя лагуны, которыхъ характеръ споль пихъ и мечшашелень и которые, въ сравненіи съ другими странами, по же самое, что нхіе и печальные весенніе дни въ сравненіи съ другими днями года.

Ничего подобнаго не находишь по дорогѣ Спральзундской, по кошорой я вѣхалъ, чтобы съспь на корабль въ Грейсвалдъ. На лѣ опъ Берлина покидаешь мостовую и погружаешься, часпо безъ проложенной дороги, въ пустыню. Печальная и удивительная страна! по ѣдешь по песчанымъ низменностямъ, походящимъ на мѣсна, оспавленные моремъ, по проѣзжаешь по неизмѣримымъ лѣсамъ гигантскихъ березъ и пихтъ; пошомъ, вдругъ встрѣчаешь въ эшой пустынь хлѣбныя поля, какъ въ Босъ (la Bause), или луга, какъ въ Нормандіи. У рѣкъ нѣтъ крутыхъ береговъ, нѣтъ наспоящаго русла; онъ лѣниво капающа по песку почвы въ уровень съ почвою; никакой пригорокъ не означаетъ ихъ близоспи; долго ѣдешь вдоль эшихъ рѣкъ, не замѣчая ихъ; вдругъ видишь, посреди пихтъ возвышающа мачта, сквозь листья блѣвется парусъ.

Гдѣ-гдѣ съ удивленіемъ встрѣчаешь деревни, чиспенькія, представляющія спокойный характеръ благососпоянія въ особенности нравственнаго, кошорый Нѣмцы обозначаютъ словомъ *heimlich*. Часпо даже, въ опдаленіи опъ жилищъ, видишь какъ бы садикъ, разведенный у дороги, кусны лилій, жонкилей и по среднѣ

*

лавку для пушниковъ. Все это показываетъ какъ-то природное благоволеніе и родъ инстинкта воображенія, весьма обыкновеннаго въ низшихъ классахъ въ Германіи. Эти добрые люди какъ бы спыдаются печальныхъ мѣсць, въ которыхъ живутъ они; подумаетъ, что они стараются хоть немножко ихъ украсить, какъ бы для того, чтобы извиниться передъ иностранцами, что принимаютъ ихъ въ такой дурной землѣ.

Я готовился переплыть Балтику и всплывать въ Швецію; мнѣ весело было думать, что пароходъ перенесетъ меня въ полъ-сушокъ на землю Скандинавскую.

Мы съѣли на пароходѣ 13 числа, въ четыре часа по полудни; погода была прекрасная. Балтика была тиха и голубовата, какъ будто Средиземное море. Мы видѣли, какъ солнце легло за островомъ Рюгеномъ, и нѣсколько часовъ шли вдоль бывшаго, крушаго берега этого острова, изрытаго довольно глубокими заливами и увѣчаннаго деревьями.

Островъ Рюгенъ пользуется въ Германіи нѣкоторою знаменитостію. Это родъ брацка и передоваго поспа Скандинавіи. Тутъ находишь ея озера, ея буковые и пихтовые лѣса, ея ошвѣсные берега, ея курганы, которые народъ называетъ могилами Гунновъ (Hünen - Graber), Гунны и Алпшила почти вездѣ оставили по себѣ память. Въ Швейцаріи (*) часто приписываютъ

(*) По дорогѣ изъ Уншерзена въ Лаушербрушенъ

Аппинль древнія обрушенія горъ, великіе безпорядки природы, шакъ какъ Цесарю оспашки становъ, укрѣпленій, а Карлу V церковныя зданія. Спрашная судьба иѣкопорохъ имевъ: они живупшъ въ народъ и имъ приписываюшъ все, чего происхожденіе неизвѣстно. То же самое на Восстокъ съ Александромъ и Соломономъ. Такъ въ окрестностяхъ Неаноля все сдѣлано Виргиаевъ, котораго народъ почитаетъ великимъ волшебникомъ.

На оспровѣ Рюгенѣ Христіанская Религія распространилась весьма поздно; она укоренилась тамъ уже при Вальдемарѣ I-мъ, въ XII столѣтіи. Въ это время Рюгенъ былъ населенъ народомъ Славянскаго происхожденія; эпошъ народъ сдѣлался спрашнымъ своею неуспрашимостію и своими разбоями на морѣ; главный богъ его назывался Свановишомъ. Наконецъ эпошъ народъ, послѣ мужеспвенной зацципы, былъ подавленъ соединившимися Данчанами и Померанцами. Адмираломъ флота побѣдителей былъ знаменитый Архіепископъ Абсалонъ, пошому что у народовъ Скандинавскихъ, кошорыхъ спикія море, духовные сановники были моряками, шакъ какъ въ другихъ мѣстахъ воинами.

Вошъ спрашное событіе, показывающее, что успановленія не уничтожаются, даже хошя цѣль имъ предназначенная и измѣнилась; земли, кошо-

есть отвѣсныя скалы, называемыя бастіонами Аппинль. *Прим. Авт.*

рыми владѣли жрецы Свановина, были впоследствии превращены въ Католическія пребенды, а нынѣ приписаны къ чепыремъ Протестантскимъ приходамъ острова Ригена и еосмадляюнгъ доходъ ихъ.

Довольно пріятно и довольно рѣдко случается вдругъ очутившись въ новой странѣ. Я имѣлъ это удовольствіе. При наступленіи ночи я заснулъ крѣпкимъ сномъ. Часовъ въ шесть утра кто-то дернулъ меня за руку и сказалъ мнѣ: »Вы въ Швеціи! Я бросился на эпошь новый берегъ. Все было не то. Другая природа, другой языкъ, другіе люди! Предъ глазами моими было новое для меня зрѣніе Шведскаго города съ разноцвѣтными домами. Одежда поселянъ, порода ихъ лошадей, форма ихъ пельжекъ, все было отличнѣе отъ того, что я видѣлъ наканунѣ. Нѣсколько часовъ сна оидѣлили меня отъ Германіи и она уже далеко бѣжала отъ меня. Небо, вчера еще сіюль голубое, было пускло и блѣдно; воздухъ казался мнѣ холоднѣе прежняго, можешь быць поному, что мнѣ очень хотѣлось чувствовашь, что я въ Швеціи. Не знаю, но Баллика казалась мнѣ гораздо болѣе дикою и печальною, съ нѣхъ поръ, какъ я смотрѣлъ на нее съ Сѣвера.

Первыя человѣческія фигуры, видѣнныя мною въ Швеціи, были при мапроса, которыхъ свѣтлорусые волосы, свѣтлоглубые глаза, бѣлая кожа, массивное шѣдосложеніе, медленныя, связныя шѣдодвиженія, неизмѣнное хладнокровіе, предспа-

вшли мнѣ при самомъ прибытіи моемъ, разительный обращикъ Скандинавскаго первообраза. Они перенесли мои вещи въ пракпиръ и просили за это 15 шеллинговъ. Это пребываніе было весьма умѣренно, пошому что Шведскій шеллингъ стоитъ нѣсколько менѣе су; но я, не зная Шведской монеты и думая объ Англійскомъ шеллингѣ, вообразилъ себѣ, что они просятъ слишкомъ много и разсердился. Такъ какъ я сердился по-Нѣмецки, то они не понимали моего гнѣва и хладнокровно возобновляли свое пребываніе. Наконецъ наемный слуга, знавшій нѣсколько по-Нѣмецки и, за неимѣніемъ лучшаго, служившій переводчикомъ, прекратилъ это недоразумѣніе. Машросы ни сколько не гордились тѣмъ, что они правы, получили, что пребывали, и спокойно ушли, какъ будто между нами и не было спора.

Шведскіе дома имѣють видъ чистый и яркой, весьма пріятный для глазъ. По всеобщему обычаю въ Швеціи, который посреди городовъ кажется какимъ-то Адпійскимъ щегольствомъ, на полахъ вездѣ набросанъ пихпникъ, издающій пріятный и здоровый запахъ. Я началъ знакомиться съ обычаями Шведскаго стола, съ *кнаккебродъ*, хлѣбомъ весьма похожимъ на сухари, и къ кошорому я безъ труда привыкъ; и съ древнимъ обыкновеніемъ *суппа*, какой-то пригошьяпельной закуски, состоящей изъ масла, солонины и водки, кошорья спавяшся на буфешъ и къ кошорымъ всѣ подходяшь, закусывая

для возбужденія аппетита. Шведъ не станетъ ни обѣдать, ни завтракать, не закусивъ предварительно.

Въ столовой шрактира, въ кошоромъ я оспановида, я видѣлъ поршреть Исаи Тегнера, перваго нынѣшняго Шведскаго Поэта, который былъ бы однимъ изъ знаменитѣйшихъ Поэтовъ въ Европѣ, если бы писалъ на языкѣ, болѣе извѣстномъ. Прекрасная его Поэма *Фритгюфъ*, заимствованная изъ одной старинной легенды, возбудила въ его опечесствѣ всеобщій восторгъ. Это самое замѣчательное произведеніе лирическаго преобразования, совершившагося въ слѣдствіе послѣдняго политическаго переворота. Это преобразование замѣнило прошивное ириродѣ подражаніе Французскимъ образцамъ, поезіею независимую, почерпаемую изъ живаго ищотника народныхъ преданій. Новѣйшее поэтическое движеніе началось на Югѣ Европы. Вышедъ изъ Прованса, Италіи, Испаніи, оно распространилось по Франціи и Англіи. Потомъ перешло въ Германію; теперь наступила очередь Сѣвера. Возникнувъ послѣ всѣхъ, Поэзія Сѣвера еще не успѣла устарѣть и потому опъ нея еще можно чего нибудь ожидать.

Я пробылъ только нѣсколько часовъ въ Ишпадинѣ и неуспрашимо пустился въ Мальмю, чтобы перевхашъ опшуда въ Копенгагенъ, одинъ однихонекъ, не понимая еще пуземнаго языка и не зная Шведской бумажной монеты, копорою мнѣ наполнили всѣ карманы въ Грейфсвальдѣ.

На этомъ пути вхалъ я въ первый разъ въ почтовой шельжкѣ — единственнаго средство перееза въ Швеціи и Норвегіи для путешественниковъ, у которыхъ нѣтъ своего экипажа. Форма этихъ шельжекъ и сцепеніе ихъ неудобно и измѣняется въ каждой провинціи. Провѣхавъ около тысячи льѣ въ Скандинавіи и все въ этихъ шельжкахъ, я имѣлъ случай сравнивать ихъ форму и шряску во всѣхъ ихъ измѣненіяхъ. Объявляю торжественно, что Шведскія шельжки несравненно сноше Норвежскихъ; между ними такая же разница, какъ между свиной и парозной шельгой.

На этихъ шельжкахъ всегда есть лавка, иногда вислая на ремняхъ; на ней садится рядомъ съ мужикомъ, который править. Нерѣдко васъ ввѣряють ребенку и часно кучеромъ служить женщина. За почтовую лошадь платяютъ въ Швеціи по пяти су на льѣ, такъ, что за лундоръ можно провѣхать сто льѣ. Ѣздить весьма скоро; дороги хороши и ихъ содержаніе не трудно, потому что основаніе почти воешавляеть всегда почти гранитъ, и потому что здѣсь нѣтъ тяжелыхъ повозокъ, которые провоятъ по нашимъ Французскимъ дорогамъ пакія ужасныя колеи. Лошади, привыкшія къ своей землѣ и совершенно особой породы, дѣлають то, чего въ другихъ мѣстахъ лошади не могли бы дѣлать безъ вреда для себя. Въ гору онѣ обыкновенно идутъ рысью, а подъ гору въ скачь. Впрочемъ, иначе и невозможно въ такой спра-

нѣ, какъ Швеція, гдѣ граничныя гряды на каждомъ шагу проходящъ чрезъ дорогу и бороздящъ ее. Въ первый разъ, какъ подобный холмъ встрѣнился намъ на дорогѣ, я слышала, что ямщикъ сказалъ что-то лошади. Я думала, что онъ хотѣлъ заспаивать ее ишми ишме; напротивъ онъ хотѣлъ ускорить бѣгъ ея. Я скоро привыкъ къ этой методѣ и она мнѣ очень нравилась. На чистомъ воздухѣ, при теплой погодѣ, я, кашаясь вдоль берега, що быспра вздепала на крушизну, шо, еще быспрѣ спускался, носреди порывовъ морскаго вѣтра и оглушительнаго шума волнъ.

Я совершенно не зналъ нгуземнаго языка; но это не имѣло для меня никакихъ непрятныхъ послѣдствій и ни сколько не приводило меня въ затрудненіе. Когда я приѣзжалъ на спанцію, ямщики видѣли ясно, что мнѣ нужно лошадей и шопчасъ, безъ моего пребыванія, перекладывали вещи мои на другую шедъжку. Когда приходилось расплачиваться, я вынималъ изъ кармана зачаканный и разорванный бумажникъ, въ кошоромъ заключалось все мое богатштво; ямщики брали деньги, олпсчищывали, приносили сдачи, какъ хотѣли. Я давалъ имъ полную волю, совершенно не зная цѣны эщихъ лоскушковъ. Оспальное я клалъ въ бумажникъ. Поставъ я справился, сколько я долженъ былъ заплатить: меня не обочли ни на одинъ шеллингъ.

Не много спранъ на свѣшъ, въ кошорыхъ бы можно было съ такою увѣренностію полагаться на честность низшихъ классовъ, какъ въ

Скандинавіи. Такъ какъ въ Швеціи нѣтъ ни публичныхъ карепъ, ни транспортовъ, то если вы хотите послать значительную сумму на довольно далекое разстояніе, вы должны отдать деньги мужику, которъ донесетъ ихъ до первой станціи; отсюда переключатъ ихъ также до второй и такимъ образомъ, переходя изъ рукъ въ руки, онъ достигнетъ своего назначенія.

Вечеромъ прибылъ я въ Мальмю; на слѣдующій день упрямъ видѣлъ Копенгагенъ и другой берегъ Зунда; но перѣхаты проливъ не могъ по причинѣ сильнаго прошивнаго вѣтра; мнѣ безпрестанно говорили, что онъ сей часъ перемѣнится, и я свое сущою продалъ этой перемѣны.

Я непрерывно ходилъ смотрѣвъ на это печальное море, на которомъ не появлялось ни одного паруса и въ задумчивости глядѣлъ какъ капилосъ на его пустой поверхности длинныя гряды льды. Я съ удовольствіемъ также бродилъ по улицамъ Мальмю, уставленнымъ низкими, ровными домами, похожими на Англійскія хижины. Если хочешь получить понятіе о заповорнической жизни Сѣвера, надобно походить по Шведскому приморскому городу въ сильный вѣтеръ, когда всякой сидитъ дома, какъ на кораблѣ, во время бури, въ шпрюмъ. Въ три дня, которые провелъ я въ Мальмю, я видѣлъ только мапсоровъ и извоциковъ. Вѣтеръ производилъ тамъ такое же дѣйствіе, какъ жары въ Неаполь: городъ кажется необитаемымъ; но на Югъ, исключая нѣсколько

минушь, вся жизнь проходишь на чистомъ воздухѣ, на улицахъ, подъ открытымъ небомъ, на берегу; и замѣорническіе дневные часы съ избыткомъ вознаграждаются шумными ночными бѣдѣями. На сѣверѣ, напрошивъ шого, все устроено для жизни въ спѣнахъ. На природу полагаются желѣза, и люди по неволѣ улаживаются шакъ, чшобы обходиться безъ нея. Посему каждый изъ эшихъ домиковъ, изъ кошорыхъ не выходилъ ни-кшо, подавалъ мнѣ идею о жизни спокойной и привольной; и дѣйствительно, въ каждомъ домѣ, даже въ рыбачьихъ и мапросскихъ хижинахъ, въ окнахъ чистыя стекла и за ними бѣлыя занавѣски съ бахромой, украшающія всякое Шведское окно. Внутри домовъ я видѣлъ вездѣ родъ экрановъ, искусно сплетенныхъ изъ соломы и горшки съ цвѣтами.

Наконецъ, въперъ позволилъ мнѣ переправиться чрезъ Зундъ. Его обыкновенно перевозятъ въ два или три часа, а мы проскачали часовъ восемь, лавируя по проливу; наконецъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ я прибылъ въ Копенгагенъ.

Копенгагенъ какъ бы выходитъ изъ воды. Это городъ правильный, съ прямыми улицами, красивыми домами, широкими площадями; онъ напоминаетъ нѣсколько Берлинъ.

Прежде всего поражаютъ въ Копенгагенѣ слѣды минувшаго величія. Пространный портъ, нынѣ почти пустой, арсеналъ, шеперь безмолвный, были некогда шеперъ сильной мореход-

ной дѣятельности; но Англичане, всегда завидующіе этого рода могуществу, нанесли Даниі ударъ, ошъ котораго она, можетъ быть, никогда не вспанешъ.

Бомбардированіе Копенгагена, въ 1807 году, было дѣло постыдное. Англичане боялись, и кажепся не безъ причины, чшобы Дашчане не ошложились ошъ ихъ союза и предупредили это носпулкомъ, недоспойнымъ образованнаго народа.

Сшолжныи городъ былъ бомбардированъ безъ объявленія войны. Эшого шакъ мало ожидали, чшо еще наканунѣ Англійскіе корабли запасались съшпными припасами на Дашскомъ берегу и жипели радовались эшому случаю, пошому чшо онъ доспавлялъ имъ барышъ. Вдругъ, когда Дашская армія была въ Фіоніи, Англичане ашпаковали Копенгагенъ съ суши и съ моря. Пяшь тысячъ человекъ, большею частію милиціи (landvegt), вспомошесшвуемые мужесшвомъ гражданъ и спудентовъ, защищались шробе сшшохъ. Какое положеніе для жипелей большаго города, на которыхъ вдругъ, посреди глубокаго мира, посыпались всѣ бѣдспвія жеспочайшей войны! Рассказываютъ разныя рѣчи Англичанъ, шполь же ужасныя, какъ и дѣла ихъ. Нѣсколько женщинъ просили позволенія выйши изъ города; имъ ошказали, съ насмѣшкою совѣшун упосребить ихъ вліяніе на своихъ любезныхъ, чшобы заспавили ихъ сдаться. И шеперь еще видны въ Копенгагенѣ слѣды эшого несчасшія. При въздѣ въ городъ, поражаетъ пушешесшвенника

церковь, копорой была развалины не носятъ на себѣ печати древности. Она разрушена бомбами. Ничего не можеть быть печальнѣе развалинъ, шакъ сказашъ, еще свѣжихъ и новыхъ.

Не въ Копенгагенѣ надобно искать Скандинавскаго первообраза во всей числотѣ его. Прежняя, столь обширная торговля сего города, приводя жителей его въ сообщеніе со всеми народами, необходимо должна была измѣнить ихъ характеръ. Посему на каждомъ шагѣ встрѣчаешъ черны, непринужденная Сѣверу: черныя глаза, черныя волосы, происходящія Богъ знаетъ откуда, можеть быть, изъ Индіи. Вообще изъ числа Скандинавскихъ Государствъ Данія всѣхъ мѣнѣ имѣетъ въ себѣ Скандинавскаго. И это поспшижимо: Данія дверь Скандинавіи, узелъ, связывающій ее съ Германіею. Герцогство Голштейнское, значительнѣйшее изъ Дашскихъ владѣній, нѣсколько вѣковъ принадлежало Имперіи. Съ 1640 года въ Даніи царствуетъ Германскій Домъ (Ольденбургскій), и въ этой странѣ бывали Государя, не знавшіе пуземнаго языка. Между шѣмъ, не смотря на эти почки прикосновенія, или можеть быть по этой именно причинѣ, въ Дашчанахъ замѣтно ошращеніе къ Нѣмцамъ; и, что намъ, Французамъ, должно казаться довольно страннѣмъ, бранное слово, копорымъ называютъ въ Даніи Нѣмцевъ (*Vindbeutel*), выражаетъ почти то же понятіе, копорое мы имѣемъ о Гасконцахъ.

Не смѣю судить о городѣ, въ копоромъ я

прожилъ весьма не долго; но мнѣ кажется, что отличительная черта характера Копенгагена есть отсутствіе опредѣленнаго характера. Физиономія его сослуживъ въ томъ, что у него нѣтъ физиономіи; и, право, смѣсь нравовъ Нѣмецкихъ, Англійскихъ, Французскихъ, видима во всемъ, есть нѣчто въ своемъ родѣ поразительное и оригинальное. Нѣтъ, можетъ быть, ни одного города въ свѣтѣ, гдѣ бы познаніе иностранныхъ языковъ было распространено въ такой степени. Въ городскихъ обыкновенно слышишь, что вокругъ васъ въ одно время говорятъ по-Англійски, по-Нѣмецки, по-Французски и по-Дански. Эти многоязычные разговоры сначала оглушали меня; но потомъ привыкаешь къ этому и послѣ разговоръ на одномъ какомъ нибудь языкѣ кажешься какъ-то бѣднымъ.

Извѣстно, что правленіе въ Даніи совершенно неограниченное. Это любопытное явленіе, подлѣ Швеціи, въ которой правленіе смѣшанное, и Норвегіи, почти республиканской. Кажется впрочемъ, что эпошъ миролюбивый деспотизмъ, въ рукахъ нынѣшняго Короля, правленіе самое крошечное.

Уступка правъ, сдѣланная Данскимъ народомъ Фридриху III, кажется съ перваго взгляда событіемъ страннымъ въ Исторіи человѣчества; между тѣмъ это происшествіе весьма естественное. Народъ, угнетаемый аристократіею, лишилъ себя не многого, покинувъ права, которыми онъ не пользовался; и этою мнимой

успушкою, онъ принудилъ непріятелей своихъ сложить съ себя власи, копорю они его подавали. Однимъ словомъ никогда политическій переворотъ не былъ пріятнѣе народу. Это былъ настоящій заговоръ, для успѣха коего нужны были все мужество и ловкость нѣсколькихъ гражданъ-патріотовъ. Дворянству горько было согласиться на эту мѣру, копорая наносила ему смертельный ударъ; но оно не хотѣло казаться менѣе преданнымъ Королю, чѣмъ гражданство и духовенство. Наконецъ оно успувило, и воспоркъ былъ всеобщій, потому что для народа это подчиненіе себя неограниченной верховной власти было истиннымъ освобожденіемъ.

Въ монархической Даніи просвѣщеніе пользуется покровительствомъ, копорого не найдешь въ нѣкопорыхъ Государствахъ, въ коихъ правленіе смѣшанное. Въ Даніи считается нынѣ около трехъ тысячъ Ланкастерскихъ школъ. Единственный упрекъ, заслуживаемый въ этомъ отношеніи Правительствомъ, состоитъ въ томъ, что оно нѣсколько деспотически дѣйствуетъ въ пользу способа взаимнаго обученія. По закону оно каждому предоспавляетъ волю избрать какую угодно мѣсоду, но между тѣмъ опять выбора мѣсоды зависитъ иногда благосклонность или неблаговоленіе Правительсва. Надобно, впрочемъ, признаться, что это весьма извинительное употребленіе неограниченной власти.

Университеты въ Даніи устроены почти

79988
28888
такъ же, какъ въ Германіи. Выгода этого образо-
ванія передъ нашимъ, Французскимъ, состоятъ
не въ превосходствѣ учителей, (въ этомъ от-
ношеніи мы богаты), но въ хорошемъ приго-
товленіи учениковъ. Спрашивъ взглянуть на спи-
сокъ познаній, пребуемыхъ на Сѣверъ для всту-
пленія въ Университетъ. Повторяю, для успѣ-
ховъ высшаго образованія во Франціи, недо-
стаетъ не учителей, но учениковъ.

Въ Копенгагенѣ находится двѣнадцать уче-
ныхъ Обществъ, нѣсколько музеевъ, при пуб-
личныхъ библіотекахъ, довольно много частныхъ
собраній, и Аптеки, въ которыхъ всегда есть всѣ
журналы и все новѣйшія сочиненія на главнѣй-
шихъ Европейскихъ языкахъ. Книга, или Жур-
наль, вышедшій въ Парижѣ, черезъ девять дней
лежитъ уже на столѣ Копенгагенскаго Аптекара.

Изъ Библіотекъ всего любопытнѣе было мнѣ
видѣть Университетскую: она особенно драгоценна
по собранію рукописей на древнемъ Скандинавскомъ
языкѣ. Эти рукописи почти все собранены въ
Исландіи, священныхъ древней Поэзіи и древней
Исторіи Сѣвера. Исландія принадлежишь нынѣ
Даніи и все почти липературныя сокровища,
въ ней уцѣлвшія, перевезены посредею въ Ко-
пенгагенъ. Посему Исландію надобно искать имен-
но въ Копенгагенѣ.

Эти сокровища не оспались безплодными:
Нѣсколько человекъ съ оцдичными дарованіями,
посвящали себя изученію Исландскихъ рукопи-
сей, изученію, которое здѣсь имѣешь особенную

занимательность, потому что оно нечто национальное. Копенгагенскіе ученые полагають какой-то патристизмъ въ изысканіяхъ о древней бытв ихъ опечесива. Это шлопъ же энгузіазмъ, ко- шорый возбуждаетъ Г. Эленцлагерь когда онъ обновляетъ повѣстическія народныя преданія.

Я видѣлъ эннихъ почтенныхъ и ученыхъ лю- дей, Нейруповъ, Расковъ (*), Рафковъ; я нашла въ нихъ благосклонность, смисходипельность, къ кошорой приучилъ меня Германскіе ученые; они съ величайшею гошповностию руководствовали меня въ моихъ изысканіяхъ и охотно, да- же, какъ мнѣ казалось, съ удовольствіемъ отвѣ- чали на всѣ вопросы моего любопытства.

Я всегда буду вспоминать долгіе и пріят- ные часы, кошорые проводилъ я съ Г. П. Е. Миллеромъ, бродя по городу или гуляя подъ ве- дикольными шополями Парка (*Djur-hævet*), иду- щими до самаго моря. Г. Миллеръ извѣстенъ какъ Богословъ, какъ гуманистъ и какъ эншк- варій. Только на берегахъ Балтики, Спрен или Рейна можно найти ученыхъ, соединяющихъ въ себя всѣ энши познанія. Я не думаю, чтобы кто изъ эншихъ Богослововъ могъ написать разсу- жденіе Миллера о вѣкѣ Θεодосія или въ состоя- нии былъ объяснить наши старинныя лѣтописи, кошорыя однако жъ читаешь легче, чѣмъ Ис- ландскія Саги.

(*) Энши строки написаны въ 1827 году; съ шѣхъ торъ смерть похитила Г. Раска; въ лѣтахъ еще не- преспарьныхъ. *Прил. Автора.*

Пришомъ Г. Миллеръ разговариваетъ весьма оспроумно. Иногда онъ съ любезною гошвносною опверзаль мнѣ сокровища своей Скандинавской учености; иногда мы полковали о Франціи, гдѣ онъ нѣсколько времени жилъ, о свѣтѣ, о Парижѣ, которые онъ знаетъ почти шакъ же хорошо, какъ нравы Норвежскихъ героевъ дѣсятаго столѣтія.

Я видѣлъ вскользь Копенгагенъ и все что въ немъ естъ замѣчательнаго; собралъ нѣкошорыя свѣдѣнія, необходимыя для продолженія моихъ занятій. Наконецъ я свѣзъ съ нѣсколькими пріяшелями на пароходъ, который долженъ былъ перевезши насъ въ Норвегію. До сихъ поръ я, шакъ сказаць, видѣлъ шолько преддверіе Скандинавіи; шеперь пускался въ глубину ея. На Англійскомъ пароходѣ опправлялся я искаць природы дикой и гордой, нравовъ паптріархальныхъ, древняго госпешримства, озеръ, водопадовъ въ двѣ штысячи фушовъ вышиною, ледниковъ на берегу моря, поэпическихъ воспоминаній, чудесныхъ преданій, сввернаго Олимпа; а шакже занимапельныхъ преній въ Споршингъ, удивительныхъ работъ въ рудникахъ, хижинъ Лапландцевъ, свверныхъ сіяній, Христіанію, Дронштеймъ, Шпоксгольмъ и Бернадонша.

II.

Н О Р В Е Г И Я.

Отъездъ изъ Копенгагена. — Перевозъ чрезъ Зундъ. — Ночь на Каппелгагнъ. — Гоша-Боргъ. — Видъ Цвасци. — Водопадъ Тролль-Гешша, — Каналъ въ границахъ. — Христианія. — Республиканская монархія въ Норвегii. — Полншца, нравы, просвѣщеніе. — Окрестности. — Серебряныя рудники Конгъ-Бергскіе. — Почтовая шелажка. — Гульбрандъ-даль. — Дѣйствіе дождя и тумана въ горахъ. — Гѣръ, Норвежское жилище. — Народныя пѣсни; ихъ характеръ. — Печальность Севера. — Воспоминаніе о Неполѣ.

Мы отправились изъ Копенгагена на великолѣпномъ Норвежскомъ пароходѣ, который долженъ былъ перевезти насъ въ шринадцать часовъ въ Христианію. Успроеніе сего быспраго и правильнаго сообщенія значительно приблизило Норвегію къ оспальной Европѣ. Въ Амстердамѣ вы садитесь на пароходъ чистенькій, выложенный, нарядный, какъ Голландскій домъ, спокойный и удобный, какъ Англійская гостиница, и за какіе нибудь 50 франковъ перевъжаеиъ въ двое супокъ въ Любекъ; черезъ полдня вы въ Гамбургъ; опшуда другой пароходъ перевозитъ васъ въ двадцать чепыре часа въ Копенгагенъ. Въ Копенгагенѣ садитесь, какъ и мы сдѣлади, на пароходъ *Принцъ-Карль*, отправляю-

идишь одинъ разъ въ недѣлю въ назначенное время въ Христіанію. Наконецъ въ Христіаніи, подъ широтою Пецербурга, находишь другіе пароходы, на которыхъ можешь перѣхаль на сѣнь далѣе къ сѣверу, до Бергена. Оттуда не мудро уже поспѣть и въ Ланландію. Такимъ образомъ путешествіе до конца Свѣта не чіюмное, какъ почивая повѣзка.

Принцъ-Карлъ вышѣлъ изъ Копенгагена 26 Июля въ пять часовъ по-полудни. Пока мы плыли по Зунду, море было спокойно и мы съ удовольствіемъ смошрѣли, какъ бѣжали мимо насъ съ одной стороны лѣсисный берегъ Зеландіи, съ другой скалистый берегъ Швеціи. Вправо мы увидѣли островъ Гвенъ (Hven), гдѣ возвышалась башня, служившая Тихо Браге обсерваторією. Въ этой уединенной башнѣ, на этой подводной скаль Балтійскаго моря, знашій Шведскій господиъ жилъ двадцать лѣтъ и передалъ кабо, распространенное его терпѣливыми наблюденіями, генію и законамъ Кеплера.

Изъ Зунда выѣзжаешь въ Эльсенеръ. Тушь проливъ шакъ узокъ, чію берега его какъ будто сходятся: это воропа Балтики и чрезъ эти узкія воропа проходишь въ годъ до тринадцати тысячъ кораблей. Плана за проходъ чрезъ Зундъ предоснаваена Дакіи и оснаваелшь лучшую чабнь ея доходовъ. Всшрѣча и сѣвшеніе въ этомъ явельі кораблей, которые приближаются или удаляются, спреманься другъ къ другу, или другъ

онъ друга убѣгающъ, составляетъ зрѣлище восхищительное.

Едва вышедъ изъ Зунда, мы почувствовали волны Капштегана, морскаго рукава, которыми проливъ соединяется съ Сѣвернымъ Океаномъ и въ кошоромъ эионъ Океанъ кинишь и съ яроснью волнуется.

Ночь была бурная; всѣ пассажиры лежали шамъ и сямъ больные. Я никогда не забуду эпой ночи на Капштеганъ, кошорую я всю провелъ на дежъ, лежа на лавкѣ, въ шомъ мѣснѣ, гдѣ упалъ. Небо было не пасмурно; пролько по временамъ пробѣгали по немъ легкія бѣлыя облака съ красноватыми краями. Вѣсперъ свистѣлъ въ деревкахъ безъ парусовъ со звукомъ, похожимъ на крикъ иширы, а собаки на пароходѣ жалобно вили. Я считала одно по одному внутрениа потрясенія, кошорыя машина сообщала судну и кошорыя казались конвульсіями, гошовыми разрушилъ его. Если бы я въ соспоиіи былъ думашъ о чемъ нибудь, я бы удивлялся могущественной машинѣ, кошорая несла меня, кораблю, кошорый щель прошивъ вѣпра, разсѣкая и разбивая челомъ волны. Русскій флотъ, спремившійся въ Наваринъ раздѣлишь съ нашимъ флотомъ славу побѣдную, вышелъ наканунѣ изъ пролива. Эпи большіе корабли, кошорыми я любовался, не могли удержаться въ морѣ и принуждены были возвращишься въ Зундъ. Мы прошли сквозь эскадру. Чудно было видѣнь какъ наше судно, шполъ малое въ сравненіи съ кораблями, шло путемъ своимъ на

злю бурь, принудившей эпитъ великановъ опшунить. Это шпоржесиво и какъ бы хвасповство Науки: она въ наше время такъ овладѣла природою, что даже насмѣхается надъ нею.

Къ вечеру въшерь спихъ; измученные моремъ, мы не хопьли провесити еще шакой же ночи и приспали въ Гоша-Боргъ, на Шведскомъ берегу, въ полу-пуши въ Христианію. И шакъ я во второй разъ въ Швеціи, провзжая часнь эшой земли, чпобы попасшь въ Норвегію, шакъ какъ провхалъ часнь Норвегін, чпобъ досшигнушь Давіи.

Какъ пріятно послѣ качки въ Кампегатъ ошдохнушь въ уединенномъ бассейнѣ, соспавляющемъ ушье Гошмы! Онъ обспавленъ огромными скалами и въ немъ царешвуешъ глубокое спокойствіе. Нелсный свѣшъ сумерекъ, посреди коего мы шли вверхъ по рѣкѣ, придавалъ еще большую пріятность и, шакъ сказати, мягкосшь окружавшей насъ шинишъ; шогда было около половины одинадцатаго и еще свѣшло. Вдругъ въ концъ эшого залива, окруженнаго пущными скалами, напоминавшими мнѣ бухшы Новой Голландіи, явился городъ, сосшоющій изъ бѣлыхъ, высокихъ, правильныхъ домовъ, и расположенный по обшмъ споронамъ Гошмы, онъ конпорой онъ заимсшвуешъ свое имя. На другой день я взошелъ на башню соборной церкви, чпобы видѣшь вдругъ весь прекрасный городъ Гоша-Боргъ, конпорый шакъ хорошь издали. Какъ я обчелся! Эшошь городъ — улица.

Съ противоположной мѣрою, стороны про-
спирается безплодная равнина, сквозь которую,
иногда проглядывающъ не высокіе граничные,
камни, точно какъ будто береговныя скалы про-
должающъ во внутренность земель. Передъ гла-
зами нашими было зрѣлище, къ несчастію, весь-
ма рѣдкое въ Швеціи. Большая часть этой
спраны ни сколько не живописна. Въ этомъ опи-
шеченіи Швеція, до крайней мѣры южная Шве-
ція, далеко отстаетъ отъ Норвегіи. Тамъ слиш-
комъ часто не встрѣчаешь никакихъ возвыше-
ній, кромѣ круглыхъ граниновъ, однообразныхъ
и незамѣчательныхъ. Словно будто вершины горъ
выходяція изъ-подъ земли. Вообразице Аль-
пы, въ которыхъ бы долины были засыпаны и
оспались на виду однихъ только маковки. Недо-
стаетъ ледниковъ; но за то море, вдругъ не-
чаянно являющъ среди этой Альпійской при-
роды, въ мѣстнахъ, конюрья, какъ можно было бы
подуматъ, на восемь тысячъ футовъ выше ея по-
верхности.

Мы отправились изъ Голла-Борга съ нѣмъ,
чтобы до вечера прѣхать къ водопаду Тролля-
Гешпа. *Тролля-Гешпа* значить бѣга волшеб-
ницъ. Тутъ, по преданію, собирались эти зло-
вредныя существа, подъ именемъ коихъ оно
скрыто шугемцевъ Скандинавіи, эшыхъ Финновъ,
Тельчиновъ Севра, отъ которыхъ происходятъ
Лапландцы.

Но мѣръ удаленія отъ Голла-Борга видъ
спраны спановища красивѣе. Тутъ мы про-

сгинулись съ щоподемь: щеченіе Голы еснь сѣ-
верная граница вшого прекраснаго дерева, убран-
схва умѣреннаго сѣвера. Хотя щогда уже былъ
конецъ Юля, но мы видѣли сумерки и рассвѣтъ
рядомъ. Я еще хорошо различалъ въ небѣ
слегка освѣщенную щочку, показывавшую въ ка-
комъ мѣсцѣ солнце опушилось подь горизонтъ,
а подь занималась уже зоря. Въ эту ночь ночи
для насъ рѣшительно не было.

По причинѣ разныхъ замедленій мы прибли-
жились къ Троль-Гельпскому водопаду въ три часа
утра. Измученный дремотою, продрогнувь ошъ
холода, ушомленный опсупсывіемъ мрака, я
чувствоваль чпо-шо спранное, видя какъ меня
влекуть сквозь шуманъ ко убгающимъ цуспы-
нямъ и слыша, какъ наши шельжки бѣспро не-
суацца по гражиннымъ скадамъ. Переходя ошъ
сновидній къ мечпаніямъ, я въ щошъ и другомъ
состояніи видѣлъ образы фантастическихъ су-
щесствъ, сообщившихъ вшимъ мѣсцамъ свое имя.
Когда безпрерывно смыкавшіеся глаза мои рас-
крывались, я помню, чшо они вщрачали боль-
шую черную лошадь, влекущую съ немощвною
бѣспрошою свою легкую шельжку и на этомъ
конѣ мальчика, которій казался карликомъ,
подвешеннмъ на его гривѣ. Миѣ казалось, чшо я
и вше вижу во снѣ. Наконецъ мы приближились къ
водопаду Троль-Гена. Желшоватнй парь, облет-
кавшій всѣ предметы, показываль, чшо солнце
уже взошло. Въ этомъ парѣ двигались люди,

виднѣлись на скалахъ двѣ или при хижинѣ, и лодка, какъ бы выброшенная на берегъ.

Троль-Гейша одинъ изъ знаменитѣйшихъ водопадовъ въ Сигранѣ, въ которой водопадовъ иначе много; но другіе нѣтъ болѣе этого нравились. Всего болѣе поразило мнѣ его нѣчто прозаическое, видимое почти при всѣхъ водопадахъ въ Швеціи и Норвегіи: холмы древесныхъ оплоекъ, господствующихъ надъ ними своими не поэтическими вершинами. Полезное рѣдко бываетъ новаричемъ прекраснаго, а полезное пребываетъ, чтобы подлѣ всякаго водопада была сильная мельница, иже прекрасная, но прекрасная по своему, въ другомъ родѣ.

Голскій каналъ, близъ Троль-Гейши, представляетъ рѣдкій примѣръ полезной работы, направляемой между нѣмъ воображенію; надобно было совратить съ пуни рукавъ вѣной рѣки по выше ея паденія и просѣчь ей въ границѣ ложе длиною въ половину льѣ. Всего болѣе поражаютъ восемь шлюзовъ, служащихъ для поднятія судовъ изъ низшаго русла Голы въ рукавъ, отдѣленный отъ верхней ея части. Они всѣ продѣланы въ скальной скалѣ. Человѣку, который перелетѣлъ посреди скалъ и пихтъ и можетъ вообразить себя, что находится на вершинѣ Альпъ, сигранно видѣшь, что рѣчные суда поднимаются къ нему съ впажа въ впажъ, между двумя сѣвными и по осьми граничнымъ спускенимъ (*).

(*) Эшотъ каналъ, начатый въ 1793 и окончанный въ 1830 году, входящій въ систему канализаціи, довер-

Узкій морской рукавъ отдѣляетъ Швецію отъ Норвегіи. Перехавъ эполь рукавъ, мы видѣли, что мы въ Норвегіи только по увеличенію платы за почтовые шельжки, которыя сдѣлались еще безпокойнѣе. Земля все та же: непрерывно пустынная, по мѣстамъ дикая, по мѣстамъ воздланная и до самой Христианіи неизмѣняющая въ фзиономіи своей ничего разительнаго.

Упопробивъ нѣсколько дней на провѣдъ по эпимъ пустынямъ, вдругъ, съ восхищеніемъ видишь подъ ногами, въ прелесномъ мѣстоположеніи, городъ Христианію; надъ нею возвышается обширный зеленый скапъ, уснащенный загородными домами, какъ прекрасныя окрестности Женевы; позади спящъ высокія горы, а съ противоположной сперыны у самаго города плещется море.

Когда мы въехали на вершину Егтеръ-Берга, солнце садилось въ атмосферѣ легкихъ, сѣроватыхъ паровъ. Горы, ограничивающія небо-склонъ, были мрачны, весь видъ спраны спокоенъ, море неподвижно. Все это обширное пространство было нѣмо; въ норщѣ ни какого движенія; развѣ только легкая лодка возвращалась на ночь въ городъ.

Эполь ландшафтъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ во всемъ свѣтѣ.

шеную при нынѣшнемъ Государѣ и соединяющую, посредствомъ внутреннихъ озеръ, Сѣверное море съ Ботническимъ залвомъ.

Взгляните на море: округленныя формы берега, мягкость некопорыхъ очерковъ, длинныя мысы, нечувствительно склоняющіеся въ море, привели бы вамъ на память Неаполь, если бы иное солнце ихъ освѣщало. Надобно признаваться, что спрранно и пріипно видѣшь Байскій заливъ, омывающій горы Кантона Ури.

Многіе жалуется, что не возможно поучишь истиннаго помяшя о безпредѣльности моря, пошому что ни что не представляеть глазамъ шочки сравненія для измѣренія его пространства; но здѣсь случайности, производимыя извилинами залива, мысы, носы, гряды, копорыма онъ испещренъ, дѣлають безпредѣльность задыпною и, раздѣляя, какъ бы увеличивають ее.

Онъ этого происходишь чрезвычайное разнообразіе видовъ. Слѣдуя по берегу, вы какъ будто ѣдете вдоль рѣки, текущей у корней пещиъ; пошомъ видище бассейнъ, почти круглый, почти окруженный скалами; въ другомъ мѣстѣ взоръ вашъ проникаеть вдаль между скалами, сияющими въ водѣ, или большой мысъ, какъ будто каменная стѣна ограждаетъ озеро; но вдругъ изъ-за мыса выходилъ прекмачшовый корабль и вы узнаете, что это озеро море и что эти прія воды не что иное, какъ волны Сѣвернаго Океана, скакавшія въ Кампегашъ, пошепенно ушпхавшія и засыпающія на этомъ ондаленномъ и безплодномъ берегу.

Самый городъ не имѣеть никакихъ памяшниковъ и не представляеть никакого рѣзкаго

характера. Половина города, новая, была, в-
спроемъ правильно, прорѣзана симметрическими
улицами, пересекающимися подъ прямыми углами,
и должна походила на новые кварталы Нью-Йорка
Сѣверо-Американскихъ городовъ. Въ одной
части Христианіи живутъ богатые купцы и чи-
новники. Другая часть, занимаемая мелочными
торговцами, имѣла физиономію не столь при-
глядную, но гораздо болѣе живую; наконецъ въ
сѣвернѣйшій край города находилась при предмѣ-
стьи, въ которомъ жила самый дурной классъ
народа или лучше сказать, какая-то инородная
чернь, какою, по мнѣнію Нибурга, была Рим-
ская чернь. Эти при предмѣстьи весьма прилич-
но называющіяся Аджромъ, Марекомъ и Триго-
лисомъ.

Какъ жаль, что Христианія, не смотря на
свое мѣсто, похожее на Италіанское, на красивое
свое мѣстоположеніе и на природу, ее окружаю-
щую, не имѣла ни одного памятника. Если бы
она со временемъ распространилась, если бы она
взбралась на гору, которая вышѣ надъ нею вла-
дычествуетъ, если бы она покрывала окрестныя
лѣсныя загородными домами, то вышло бы городъ
былъ бы сѣвернымъ Неаполемъ и пришло бы Неа-
полемъ свободнымъ.

Дѣйствительно, если есть на свѣтѣ страна)
въ которой бы образъ правленія былъ истинная
республиканская монархія, то это конечно Нор-
вегія: тамъ нѣтъ ни какой аристократіи и ме-
жду гражданами царствуетъ совершенное равен-

ство. Законы издаются собраніемъ, открытымъ для самыхъ мелкихъ владѣльцевъ: это большой совѣтъ, *Стортингъ*, вполне пользующійся верховною властію; ибо онъ имѣетъ право предлагать законы, утверждать и отменяливать ихъ.

Что же осмѣается Король? почти ничего: онъ имѣетъ право только оснаношить исполненіе закона; но если Спортингъ три раза предлагаетъ одну и ту же мѣру и Король три раза ее отвергаетъ, то мѣра сія имѣетъ уже силу закона. Съ другой стороны, ежели Спортингъ отвергаетъ мѣру, предложенную Королемъ, то мѣра сія не можетъ уже быть закономъ. Такимъ образомъ отвергнуто предложеніе объ учрежденіи наследственнаго дворянства, которое Король хотѣлъ ввести въ Норвегіи. Право Короля предлагать законы уважается не болѣе того, какъ и его право утверждать ихъ. Королевскія предложенія дожидаются докладной очереди, и даже когда эта очередь наступила, Спортингъ можетъ осмѣивать предложеніе безъ вниманія. Правда, что Король имѣетъ право распустишь обыкновенный Спортингъ и созвать чрезвычайное собраніе, которое уже занимается однимъ его предложеніемъ; но и пусть нѣтъ со стороны Правительсва ни какого Коммиссара, который бы поддерживалъ предложеніе. Можетъ быть, скажутъ, что въ этомъ образѣ правленія недостатка равновѣсія; Норвежцы отвѣчаютъ на это, что, во-первыхъ, они очень счастливы и что, во-вторыхъ, Государь ихъ есть Король

Шведскій, и потому они должны были принять мѣры противъ иностраннаго владычества. Вѣрно, до крайней мѣры, то, что и въ одномъ Европейскомъ Государствѣ въцѣ правленія будде похожаго на правленіе Сѣверо-Американскихъ Штатавъ.

Избраніе производился двумя степенями: всѣ поземельные владѣльцы, т. е. почти все народонаселеніе, въ которомъ болышинство составляютъ мужики, собираются въ церквахъ и назначаютъ избирателей, которые назначаютъ членовъ Споршинга, заимствуя ихъ изъ среды своей или изъ тѣхъ, которые ихъ выбрали.

Споршингъ созывается каждыя три года; всякое собраніе должно продолжаться по крайней мѣрѣ три мѣсяца, а ежели Король продержитъ Депушатовъ полгода, то Депушаты получаютъ вознагражденіе. Этого, обычной совершенно согласенъ съ демократическими правами Норвегцевъ.

Мы пріѣхали въ Христианію во время собранія. Намъ любопытно было посмотрѣть за сѣданіе Споршинга; такъ назывались въ древности собранія Скандинавскихъ народовъ, послужившія образцемъ нашимъ Майскимъ полямъ (champs-de-Mai), въ которыхъ войны собирались разъ или два въ году подъ чистымъ небомъ, или на обширной долинь, или на какой нибудь горѣ въ Исландіи, напримѣръ, на вулканической скалѣ Тингъ-валла. Споршингъ, который мы видѣли, былъ гораздо скромнѣе: въ небольшой заѣздъ, очень

просто убранный, сидели и разсуждали около шестидесяти Депутатовъ. Всѣ они были въ черномъ; только одинъ веселилъ зрѣніе и сердце своимъ живописнымъ національнымъ костюмомъ: Законодатель сохранилъ одежду мужика. Въ галереѣ, открытой для публики, сидѣлъ мажоръ, почти въ одной рубашкѣ; онъ почтительно держалъ кофакъ свой въ рукахъ и съ набожнымъ вниманіемъ слушалъ преній. Эти два чело́вѣка, одинъ въ самомъ законодательномъ собраніи, другой въ онаго, представляли участие нижнихъ классовъ въ дѣлахъ государственныхъ, участие несомненно весьма справедливое въ странѣ, гдѣ всякой умѣетъ читать.

Я не понималъ хорошенько рѣчей Орансгольмъ, но слухъ мой былъ поражаемъ частымъ повтореніемъ слова *grund-lov* (основной законъ), всегда произносимаго съ особеннымъ выраженіемъ. Это, безпрерывное воззваніе къ Государственному Уложенію составляло основаніе преній. Разсужденія были, какъ мнѣ казалось, живы, но умеренны. Англійскіи Парламентскіи формы были строго соблюдаемы; каждый Депутатъ говорилъ со своего мѣста, стоя, и обращался къ Президенту.

Не смотря на то, что Норвегія не принадлежить уже Даніи, Норвежцы все еще во многихъ отношеніяхъ Данчане. Нравы въ Христианіи почти точно такъ же, какъ въ Копенгагенѣ. Въ обоихъ городахъ находятъ одинаковое смѣшеніе разнородныхъ привычекъ и разныхъ языковъ.

Туземный языкъ въ Норвегii Дашскій и суще-
ствование *Норвежскаго* языка есть народный вы-
мысль. Норвежскій языкъ въ печати, пошю же
Дашскій; въ произношеніи онъ нѣсколько измѣ-
няется. Во внутреннихъ частяхъ Норвегii и
особенно въ сѣверныхъ, народъ говоритъ разны-
ми нарѣчiями, копоры болѣе приближаются къ
Шведскому, единственно пошюму, что древній
Скандинавскій языкъ, опецъ нынѣшнихъ нарѣ-
чiй, менѣе измѣнился въ долинахъ и въ Швеции,
чѣмъ въ Данii. Двое дѣшей, копоры болѣе дру-
гихъ похожи на ошца, болѣе шакже должны
быть схожи между собою.

Въ Норвегii есть шакже народныя пѣсни,
какъ въ Данii и Швеции, но не многія изъ нихъ
написаны. До отдѣленія Норвегii отъ Данii,
диперашуры вшихъ двухъ народовъ смѣшивались,
и лучшее украшеніе вшой диперашуры принад-
лежитъ Норвегii: вшорой Комикъ въ Европѣ,
Дашскій Мольтеръ — Гольбертъ, былъ Норвежець.

Со времени существованія нынѣшняго пра-
вленія, въ Норвегii началась народная дипера-
шура. Въ ней уже есть нѣсколько замѣчатель-
ныхъ именъ: Виргаардъ, Швахъ, Гансенъ; боль-
шая часть ихъ произведеній суть патриотиче-
скіе гимны и зашпольныя пѣсни.

Другое сльдшвіе нынѣшняго состоянія ве-
дей въ Норвегii есть приумноженіе народонасе-
ленія, копорое съ 1814 года удвоилось.

Въ Христианii начинаютъ шакже занимать-
ся и Науками; въ вшомъ городѣ есть Ботани-

честный садъ, Университетъ, и несколько весьма хорошихъ Профессоровъ, но частно физическнхъ Наукъ, между прочимъ Гг. Кейсеръ и Эсмаркъ. Несчастный Абель, Математикъ съ отличными дарованиями, умершій въ Парижѣ въ совершенной неизвѣстности, потому что Академія Наука не успѣла разсмотрѣть его сочиненій и уже послѣ смерти его рѣшила, что онъ человекъ не обыкновенный, — Абель былъ Норвежецъ.

Повозка по окрестностямъ Христианіи есть прогулка по Швейцаріи. Следствие красоты распростирается и на все прочее, даже на форму домовъ и видъ жилищей. Швейцарецъ, кондукторъ ѣхалъ съ нами, непрерывно восхищаясь: «Это точно какъ въ Бернѣ!» Но въ окрестностяхъ Христианіи есть двѣ вещи, которыхъ не достигаешь въ Бернѣ — широкія рѣки и море.

Повсемѣстное присутствіе воды есть отличительный характеръ Норвегіи. Осіяны не даромъ называютъ ее землей озеръ: къ въ ней, какъ говорится, до шрежъ дышать. Я не считалъ ихъ, но это число не удивляетъ меня. Къ тому же надобно еще прибавить безчисленное множество морскихъ рукавовъ, заливовъ, бухтъ, которыми испещренъ весь берегъ. За то, въ Норвежскихъ ландшафтахъ первое мѣсто и главный планъ занимаетъ всегда вода.

Въ повозкахъ нашихъ по окрестностямъ Христианіи, мы часто чувствовали быстрое колебаніе температуры Норвежскаго гниа. Я помню одинъ день, когда утромъ я почти дрожалъ

онъ шкура; который привнесъ съ собою много снаговъ, по которымъ пролегалъ; а въ полдень я, шмыгъ по озеру, нагибался надъ бортикомъ лодки, чтобы впилнуть въ себя прохладу воды: я почти задыхался отъ жара. Товарищи мои, измученные зноемъ, спали, межъ шмъ какъ одинъ гребець медленно везъ насъ по этому обширному озеру, окруженному дикими берегами и колоколь раздавался въ этой молчаливой и глухой пустыни Севера.

Любопытнѣйшій изъ предметовъ, для которыхъ мы предприняли свою поездку, былъ серебряный рудникъ Конгсъ-Бергскій. За милою отъ этого рудника, възвасень въ пустыню и вдругъ посреди этой пустыни видишь городъ, котораго совсѣмъ шуть не ожидаешь. Тотчасъ видно, что этотъ городъ порожденъ рудникомъ и что одинъ рудникъ его и поддерживаетъ. Въ то время, когда рудникъ былъ въ хорошемъ состоянн, городъ благоденствовалъ; но рудникъ упалъ, и городъ обидь. Нькогда народонаселеніе этого города простиралось до одиннадцати тысячъ душъ; теперь въ немъ не болѣе 3.500 жителей, и изъ нихъ четвертая часть ходитъ по миру.

Здѣсь я въ первый разъ спускался въ рудникъ и чувствовалъ все, что обыкновенно чувствуютъ при этомъ случаѣ. Я удивлялся, что такъ глубоко погружаюсь и вышерпѣлъ всѣ ужасныя ощущенія, которыя ожидаютъ насъ въ этомъ мрачномъ царствѣ, гдѣ ходитъ на удачу, оглушаемый прескомъ машинъ, скрипящихъ въ

*

пропасти, ревомъ, подземныхъ водопадовъ, мѣняющимся съ плачевнымъ гнѣвомъ рудокоповъ, съ ошдавленными, глухими ударами молотка и лопаты осадплемый свѣшохъ факеловъ, иногда висючи на скользкой лѣстницѣ, иногда проползаючи по нащпкамъ доскамъ между огромными колесами.

Между Копенгагеномъ и Христианією проѣхали мы полпорасна лѣ; надобно было проѣхати еще полпорасна, чшобы доешикунит Дронштейма, древней столицы Норвегіи. Мы пушпились въ путь, все даѣе и даѣе погружаясь въ Сѣверъ и направляя путь свой къ Доверфелду, гдѣ мы должны были перебраться черезъ Скандинавскія Аалны. На этомъ пути Норвежская природа являлась намъ во всемъ своемъ величии.

Одно полъко великолѣпіе этого зрѣлища могло дознаградить насъ за усналоеть, которой оно намъ спомло. Въ отккрытыхъ нашихъ щелькахъ мы жестоко спрадали отъ дожда, который шелъ сряду цѣлую недѣлю (*).

Чѣмъ боѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ бездокойнѣе спановились эти шельки. Въ нихъ вода было ни съшь порядочно, ни лечь, и намъ было шакъ недовко, что мы беспреснавно приуждены были перемѣнить свое положеніе. Такъ,

(*) Чшобы набавишь отъ всѣхъ этихъ непріятностей, надобно, полпрѣѣ въ Норвегію, шончасъ купити хабріолеть; другихъ экипажей, шакле этого, употреблять намъ нельзя.

нашъ и глубокий десневой, который долженъ былъ довести насъ до Довремельда, гдѣ самый живописный провалъ по Скандинавскимъ Альпамъ. При въздѣ въ Гульбрандъ, далъ видъ спрессованно совершенно изменился; въ рещо лесныхъ склоновъ, идущихъ по берегамъ Мюзенскаго озера, вдругъ видишь, что находишься надъ убойной пропастью; обетавленной по краямъ вершинами горъ, которые возвышаются одна надъ другою по мѣрному, какъ самъ подымаешься; пробираясь между ними.

Видно, мѣсяцъ снова начался дождь и съ проводилъ насъ довольно доволно, нола мы не проехали Довремельда. Въ утѣшеніе себя, я дѣлаю следующее разсужденіе, которое можно записать вообще о формы Скандинавскихъ горъ не красны; для глaza мало выгоды съ шочною сѣдо, разнотыль грубые черты и выпикъ масса; какъ будто бы это извѣстныя днѣя Тироли или Альпая. Насмурный день, дождливое небо, весьма прѣвѣсны спривъ пейзажной, плахи же какъ и пошескииъ намятшикамъ, и между тѣмъ какъ слышь, и слышь яркій, необходимый для природы полуденной. Архитектуры Гренеской или Римской. Скалы, еще болѣе Северь, при солнечномъ свѣтѣ, право, совсѣмъ не хороши; это неумѣстное сіяніе слишкомъ рѣзко показывается глазами, сопрягаю окомечности ильнъ, и по крушнѣ, по насознѣ, формы скаль, и природа г. похала днѣгда; на дурную женщину, окруженную свѣчани; но еднѣ лица, которая и не будучи пре-

красными, красивая, когда их видны в полу-
 святи: или сквозь дугу; Садывая, природа
 имеет нужду в ашого рода дождичиъ и др
 аменса въ ионинной краа двоеъ только погла
 кода облакаеша докровоъ шумана. Бланный
 святи, облачное небо, соснаваляющъ съ щемном
 заедню пихиъ и сфрвалмиъ, цвннотъ, скадъ
 гармонию пихую и печальную, копорая не баъ
 прелестн. Дождь и шуманъ, производящъ часно
 въ горахъ разныя картини, копорыя правдою
 предмещественнику, но копорыхъ ни описанъ, ни да
 же почти предсавиць себъ не возможно; напръ
 бывающъ дождичый и нъсколко освъщенныъ
 царь на горизонтъ, или какая нибудь вершина
 копорая вдутъ оканчиваеша массу черныхъ об
 лаковъ; до, видишь, какъ шуманъ волнуется въ
 долинахъ, сколзишь по лъсннннмъ бокамъ горъ
 или садншь на ихъ вершинахъ; пощомъ, онъ
 вдутъ, совснмъ неожиданно васъ окружаешъ и
 вы, ничего не видище. Но вдутъ порывъ вшра
 равномещъ шуманъ, сбрасываешъ его въ пропа
 сти, улосишь клубами на вершины горъ, и погла
 видишь какъ у васъ, подъ ногами, у васъ надъ го
 ловою, по близко, по далеко, раскрывающа и
 подномъ рпашъ замыкающа опщверщиъ въ шуманъ
 нъ; завась разираеша, разверщываеша, по
 дымаеша, опускаеша, и вы мелькомъ видище
 по дугъ, по хидину, освъщенную солнцемъ; или
 оспрая вершина горы вдутъ выеиваеша какъ
 оспровъ изъ шумана, копорый вшерь клубишь
 и обвиваешъ около ея ребера. Это зряище ча-

себя представлялось намъ, когда мы шли по
дальнѣ Гульбрандъ вдоль рѣки, которая зарыла
глубину ея. Это рѣка, полу-озеро, полу-полюкъ,
но извѣстныя спрессованія широкии водонадами,
иногда напоминаютъ какой нибудь морской ру-
кавъ гудеть волны своихъ, которыя вѣнерь,
идякъ съ горъ, съ шумомъ разбиваются о камни
пески и валы.

Но всей дорогѣ отъ Христианія до Дронин-
гелма, на простиранинѣ снѣ пятидесяти лѣтъ,
не встрѣчается ни одной деревни; каждое семей-
ство живетъ уединенно въ своемъ гагдъ (*).
Это слово перевести невозможно; никакое дру-
гое слово не выражаетъ бытъ Норвежскихъ ку-
диковъ. Горъ есть болѣе или менѣе много-числен-
ная группа деревенныхъ палатъ, составляю-
щихъ собственно одну домъ. Въ одномъ изъ
этихъ домиковъ спитъ всѣ члены семейства,
которыя иногда довольно много; въ другомъ
они собираются обѣдать, въ третьемъ ихъ кух-
ня, въ четвертомъ кладовая, и такъ далѣе. Од-
нимъ словомъ все, что пребуется особой комна-
той, занимаетъ здѣсь особый домъ. Горъ — домъ,
разложенный на свои составныя части. Это
расположеніе гора видѣть я только въ Норвегій;
онъ занимаетъ деревню; деревня, есть собраніе
нѣсколькихъ семействъ, горъ одно семейство,
кошераго всѣ члены живутъ и владѣютъ вмѣ-
стѣ; это самая простая замена общества, въ

(*) Слѣдуетъ это произносится Горъ.

Норвегии, какъ видно, основательно на черной
его ашпани. Весьма вероятно, что Германскія
народы, прежде нежели начали строить деревни,
селеніе основательными семействами на землѣ, ко-
торую занимаютъ эти поселенія должны были
походить на Норвежскій горъ. Вообще въ Нор-
вегии, болѣе нежели гдѣ нибудь, сохранились пер-
вообразныя нравы сего народа; и даже уцѣлѣла
древняя Германія; и даже можно назвать домен-
нарію на Танина.

Хижинамъ рѣдко обшиваются досками,
это роскошь; спятамъ ихъ состоятъ болѣе
частію изъ пихтовыхъ бревенъ, положенныхъ
одно на другое и искусно скрѣпленныхъ и
законопаченныхъ мохомъ. Между нами, при
ономъ простомъ постройкѣ, эти жилища имѣютъ
и покойныя.

Въ нихъ не замѣтно богатства, но
болѣе нечистоты, нежели бедности. Земля
въ Норвегии весьма не плодородна, но ее такъ
много, а людей такъ мало, при этомъ, люди такъ
такъ ограничены! Иногда даже я съ удивленіемъ
видѣлъ въ хижинѣ, залитой въ кушачныя, дол-
ный кухонный приборъ въ большомъ порядкѣ, а
въ жилищѣ иной хижинѣ видѣлъ взрослыхъ и
самодовольства, показывавшей отсутствіе нужды
и заботы.

На другой день приближился леденецъ въ Гула-
брандъ-даль, намъ привалили вечеромъ на берегу од-
ного большого озера. Мы удивлялись, не видя
на берегу горы, который дождекъ была скупина

наше убийством на ночь; онъ былъ на другой спорой. Озеро переѣзжаютъ въ Норвегii такъ же легко, какъ въ другихъ мѣстахъ ручей; насъ ожидала лодка, и мы переехали въ ней на другой берегъ. Этого съособъ прибыши на цо-спойный дворъ показался мнѣ довольно повнече-скимъ. Горь сей былъ одинъ изъ самыхъ бога-тыхъ, какъ мнѣ случилось видѣти, и мужикъ, которому онъ принадлежалъ, жилъ на концѣ сво-его озера въ привольи и довольствii. Жена его была въ черномъ, весьма чистомъ платьѣ; а онъ, челоукъ выѣвкого роена, вдоровый, съ медлен-ною походкою, съ тяжелыми ухватками, въ ка-кой-то мокнатои пиджакѣ, сохранялъ сплывшии въ добрый видъ, какъ будто колеблясь между гор-достiiю независимаго поселянина и смиренныи званiемъ пракширщика, и довольно походилъ на медведя, котораго принуждаютъ служить и ко-торый неохотно повилушся.

На другой день мы продолжали все поды-маться выше и выше и прибыли наконецъ къ подобию Добрыида. Въ этого дня видѣли мы на горѣ памятникъ, воздвигнутый въ воспо-минание побѣды, одержанной Норвежцами надъ Шотландцами. Корпусомъ, находившемся въ службѣ у Шведовъ и состоявшимъ предъвожи-доу какого-то Капишана Сенсъ-Клера. Мнѣ-шницы были раздаены въ этой долине скалами, которые свирѣптели изъ сканывали, съ верши-ны горъ засиль. Каменный престолъ спосаваеиъ въ походъ солдатъ, гдѣ они погибл. На этого

случай написана баллада, сделавшаяся народною. Мы заславили одного мужика слышь ее часто, чтобы узнать голосъ. Трудно было бы угадать, что это порожесивенная пѣсня: шакъ печалена и задумчивъ элпнъ голосъ. Впрочемъ шакоемъ на Сѣверъ и всѣ народныя пѣсни; хопя слова иногда и выражають радеснь или какое другое живое чувствво, но мелодія всегда медленна и жалобна: дѣло въ томъ, что характеръ национальной музыки изображаетъ не временное какое нибудь расположение, но глубину души народа. А печаль есть испинный характеръ Сѣвера; ее вездѣ шакъ встрѣчаешь: въ молчаливости и величии природы, въ мрачномъ взглядѣ человека, въ медленной его походкѣ и жалобномъ пѣнн, въ морскихъ шумахъ, долгихъ нотахъ и продолжительныхъ сумеркахъ. Миѣ случалось по временамъ глубоко чувствовашъ эту сѣверную печаль, когда я удалялся ошь моихъ новаршцей, садился на опрокинутой лодкѣ и блуждалъ взорами по неизмѣримому и бесплодному пространствву. Я долго сидѣлъ шакимъ образомъ, и никакое движеніе, ни какой звукъ не извлекали меня изъ моей задумчивости, а между пѣвьемъ и малѣйшій шумъ слышанъ въ этомъ повсемѣшномъ спокойствіи: и жалобное пѣніе маленькой цыпки, и карканіе вороны закрышой облакомъ, и опдаленный ударъ весла въ воды уединеннаго озера.

Я нашель въ бумагахъ моихъ замѣчаніе, написанное 15 Августа, при самомъ переездѣ чрезъ Доврандъ.

... . Лошадей не было и мне принуждено было прождать несколько часовъ въ этой хижинѣ, провадной до перевѣзда черезъ горы; въ ней было только одеть пыльный шарикъ, который мы носимали, что я шребовалъ лошадей и пешажку и непрерывно подчивалъ меня шабакомъ изъ своей гадкой шабакерки. Я выщель, чтообы избавишьемъ омы этого госпенринксства и сълъ передъ хижиноро на нѣсколькихъ комахъ, которыи лежали у дверей. Передо мною полнокъ скачивался съ ужасной крунизны, вдали звенѣлъ колокольчакъ; въ нѣкошоромъ расшонии лежали на шокромъ ихъ коровы. Было сыре и холодно, въ горахъ шелъ дождь. Въ концѣ длинной долины, усаиной шадкими пикшами, возвышались голыя скалы. Освѣщало ли ихъ солнце? или только ирвнѣ ихъ были нѣскольго блѣднѣе цвѣша другидь скалъ? Я ни какъ не могъ рѣшншь этого. Спрашивалъ самъ себя, которыи часъ, и угадани не могъ; съ самаго ушра мы видѣли шо же печальное зрѣлище и ни какія ясныя и разнообразныя восшоминанія не означали намъ минушь; приномъ вни шумяиные дни совершенно сливаишся съ сумерками. Я посмопрѣлъ на часы: было шесшь часовъ. Мнѣ вдругъ пришѣлъ въ голову Неаполь и я невольно сказала самъ себя: Теперь часъ гулянья по Корсо; шеперь карешы каишшяся вдоль моря; въ Сеншь-Люци раздаешся вечернее веселье; Везувий кажешся фиолешовымъ, море голубымъ, зеленымъ, блестящимъ, сверкающимъ, и солнце — кто бы это подумалъ? — шо же

самое солнце что здесь, прятаясь за воспламеннымъ Паузыминомъ!»

— Искривленіе къ востоку. — III. —

Н О Р В Е Г И Я.

Нравы Норвежскихъ поселянъ. — Кочующіе учителя. — Справныя поединки. — Перевазъ чрезъ горы. — Должна водопадъ. — Дронштеймъ. — Деревянные дома. — Древности. — Незажестко одного Библіотекаря. — Дронштеймскіе нравы. — Сумерки. — Прощаніе съ Сверхнымъ Океаномъ.

Мы проникли въ самое сердце Норвегіи: готовились переправившись черезъ Доврфильдъ, Сень-Гопардъ Скандинавскихъ Альпъ. Тутъ мы могли наблюдать во всей чистотѣ его характеръ Норвежскихъ поселянъ, этихъ людей медлительныхъ, но между тѣмъ сильныхъ душою, проспыхъ и гордыхъ, суровыхъ и гостепріимныхъ. Медлительность ихъ движеній и неповоротливость ума должно, кажется, приписывать ихъ тѣлосложенію и климату. Нервы у этихъ людей толще, чѣмъ у жителей полудня; припомъ онѣ деревенюшъ ошъ холода, и пошому не имѣюшъ ни гибкости, ни подвижности, но за шо крѣпки и сильны. Если вы спрашиваете о чемъ нибудь Норвежскаго мужика, онъ нѣсколько минутъ какъ бы не замѣчаетъ этого и рѣдко отвѣчаетъ на первый вопросъ. Это происходитъ ошъ того, что умъ ихъ не скоро совершаетъ дѣйствіе, необходимое для того, чтобы понять. Но если ужъ они поняли, шо поняли очень хорошо и отвѣчаютъ со здравомысліемъ и шочно-

опию удивительными. — Чтобы сдѣлать самое обыкновенное исчисленіе, расчетъ, который они всякой день дѣлають, имъ нужно весьма много времени, но за що утъ они, какъ ариеметическая машина, никогда не ошибающся. Пушечественники, который подвѣзаетъ къ госпиталь и которому бы очень хотѣлось какъ можно поскорѣе отдохнуть и подкрѣпить свои силы, не можетъ удержаться отъ досады, видя что эти дѣлованы преспокойно сядуть себя на порогъ, сложивъ руки, не прогаясь съ мѣсца и прехладнокровно покуривая трубку. Вы сердитесь, бранищеть, осмыслете въ вопросахъ: они весьма флегматически продолжаютъ курить трубку и смотрять прямо, какъ бы не притивная васъ. Но эшто же самый человекъ, когда ему наконецъ удастся убѣдиться въномъ, что вы спохопте предъ нимъ и имѣете въ немъ нужду, эшто человекъ съ величайшею готовностію, коня безо всякой щоропалности, предложитъ вамъ все, что у него есть. Не аглушайте его только вопросами, не давайте ему даруть другъ приказаній, будьте шертъ ливы, и отъ сдѣлаетъ все, что нужно, безъ явной услаушливости, но съ любящностію и часно съ безкорыстїемъ.

Эти люди также горды, какъ армоуинны; они сохраняють и досель обычай говорить великому ты, даже своимъ паспорамъ, даже иностранцамъ, которыхъ эшонтъ кіашельскій образъ выраженія сначала удивляетъ.

Само собою разумѣется, что чувство не-

зависимости не уменьшаютъ въ нихъ этой врожденной гордости. Они очень хорошо понимаютъ положеніе свое въ отношеніи къ Швеціи. Чинъ намъ за дѣло до Шведовъ,» сказала мнѣ одинъ изъ нихъ: «у насъ одинъ Король, вопрь и все.» На всемъ пути отъ Христианіи до Дроннгейма мы вездѣ видѣли, что мужики были весьма занаты погашающимъ Спорштингомъ; драхлые старыи въ лохмотьяхъ, выходили изъ своихъ жилищъ, чтобы узнать отъ насъ, кончилось ли собраніе.

Чинашеди наши не стануть удивляться этому, когда узнають, что въ Норвегіи все мужики безъ исключенія умѣють чинашь и писать. Безъ этого никого не допускають къ Общ. причастію, и никто не можетъ пользоваться политическими правами. Посему никто и не пренебрегаетъ этимъ.

Но въ землѣ, гдѣ жилища споятъ однальи и часно на семь или на восемь миль одно отъ другаго, постройка школы трудно. Какъ же быть? Это неудобство уменьшаютъ кочующіе учителя. Одинъ изъ нихъ останавливается въ какомъ нибудь мѣстѣ, поселяетъ шушь на нѣсколько времени, выучиваетъ чинашь и писать дѣшей изъ всѣхъ окрестныхъ жилищъ; потомъ снимаетъ наланику и перевозитъ въ другое мѣсто свою подвижную школу. Но чтобы пользоваться я этимъ ученіемъ, надобно исходить много; при этомъ Норвежцы понимаютъ не скоро, и потому

деревенскій мальчикъ долженъ совершить большое путешествіе, пока выучится грамотѣ.

У всякаго мужика есть Библія, которую онъ читаетъ по Воскресеньямъ, а часпо и другія книги. По отзыву Копенгагенскихъ книгопродавцевъ, книгъ относительно продается гораздо болѣе въ Норвегіи, чѣмъ въ Даніи; и это не только въ городахъ, копорыхъ впрочемъ не много, а въ деревняхъ, или лучше сказать въ ошдѣльныхъ хижинахъ. Г. П. Е. Миллеръ, (1) жезъ книги коего записывую я эти свѣдѣнія, говоритъ, что знакомый ему путешественникъ нашелъ въ горахъ у одного мужика Евклида, котораго хозяинъ выучилъ наизусть отъ доски до доски; у другаго, нѣсколько пвореній Канта; у третьяго шожь сочиненій Руссо.

Въ Хрисціаніи мнѣ рассказывали, что другой путешественникъ, прѣхавъ въ одну ошдаленную долину въ Норвегіи и привезя съ собою математическіе инструменшы для измѣренія окрестныхъ горъ, возбудилъ въ мужикахъ удивленіе, кошорое едва не сдѣлалось пагубнымъ для него. Его сочли колдуномъ и хотѣли уже жазашъ за пашоромъ, чтообы заковать его. До сихъ поръ это приключеніе походитъ на многія другія; но слѣдующее за сямъ показываетъ характеристическую чершу Норвежцевъ. Ему удалось расшоловать мужикамъ назначеніе и ошчаспи

(1) Ueber der Ursprung und Verfal der Islaendischen Historiographie, стр. 153.

употребленіе энихъ инсигрументовъ. Тогда они перешли отъ безпокойства къ удивленію; заочными узнавъ высоты всѣхъ окрестныхъ горъ, запечатлѣли ихъ въ своей памяти, заставили и дѣтей своихъ выучить наизусть эти цифры; и потомъ, когда другіе путешественники явились въ эиномъ удивительный уголь, они съ удивленіемъ видѣли, что эти добрые люди знаютъ высоту всѣхъ своихъ горъ и горащяся тѣмъ, что знаютъ понятіе о Тригонометриі.

Этому необыкновенному распространенію просвѣщенія въ низшихъ классахъ народа надобно, по всей вѣроятности, приписывать рѣдкость пресудженій и казней въ Норвегіи. Смертная казнь тамъ почти неизвѣстна. Между тѣмъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ нѣкотоиъ мужиковъ убили купцовъ, которые безразсудно возбудили ихъ корыстолюбіе, указавъ имъ, что съ ними много денегъ; но пресудженіе было для убійцъ вѣчно ешюль мовее, сшюль спранное, что оно привело ихъ въ такое замѣшательство, что они скоро попались, признались во всемъ при первомъ допросѣ, и имъ, по древнему обычаю, опрубили попоромъ головы.

Но временахъ, Норвежскіе мужики внезапно извѣкающя изъ обыкновеннаго своего спокойствія короткими взрывами дикаго веселья, глѣвомъ или пьянствомъ. Часно отъ эиного происходятъ кровопролитныя биввы. Оружіе ихъ состоялаешъ ножъ, который всегда въ ножнахъ виситъ у ихъ пояса; но если вѣришь цюму, что

они рассказывали, что они даже и в башкирских
изданиях сохраняют врожденное свое хладнокре-
вие. Говорятъ, что предъ началомъ битвы они
брасаютъ ножи свои въ снегъ и что честь и
законы поединка запрещаютъ имъ вознестись ору-
жьемъ въ пью своего противника далѣе того,
какъ они вонзились въ дерево.

У эшпихъ мужиковъ есть еще другой родъ ду-
ванъ, Каждый изъ сражающихся держитъ въ правой
рукѣ одинъ изъ эшпихъ спранныхъ ножей, а лѣ-
вою схватывается изо всей силы за правый ку-
лакъ своего противника и такимъ образомъ,
опиомя ударъ своего соперника, старается
самъ поразить его. Эшпихъ родъ поединка, похе-
дающій насколько на борьбу, приличенъ горцамъ,
которыя главнымъ качествомъ суть сила и про-
ворство.

Мы проѣхали знаменитый Довра-Фильдъ,
ночпи и не замѣтивъ его. Я все ждалъ, что
намъ придется взбираться на крушую вершину,
но какъ на проспрансивъ пятидесяти лѣтъ, мы
все подымались нечувствительно въ гору, но
совсѣмъ не замѣтно достигли вершины и по-
шомъ попеременно по спускался, по ошпнъ нѣ-
сколько подымаясь, очутились на другой сторонѣ.

Ничего не можетъ быть печальнѣе видѣть
высоты: почва состоитъ вся изъ камней, мха,
болотъ и шинистыхъ мѣсъ. Не посигаемъ,
какъ на такой высотѣ находишь сподъ много
воды. Сквозь туманъ, окружавшій насъ, видѣли
мы только небольшія озера, небольшія долины,

ущелыми, въ кошорыхъ лежалъ еще запоздалый снѣгъ; кривыя, низкія березы, длинныя, округленныя горы, покрытыя мхомъ, кошорыми питаются олени. Вообще вся эяа страна весьма походитъ на Лапландію. Подымаясь на высоты, всегда находишь мѣста, схожія съ тѣми, кошорыя идушь далѣе къ сѣверу: среднія высоты Швейцаріи подають понятіе о долинахъ Швеціи; а здѣсь на вершинахъ Норвежскихъ горъ я видѣлъ образчикъ болотъ Лапландіи.

На шой споронѣ Доврь-Фильда ожидало меня совершенное очарованіе. Я шелъ опустивъ голову, но доидиъ, кошорая выходилъ въ горы; вдругъ подымаю глаза и вижу передъ собою яри водопада, изъ кошорыхъ одинъ какъ будто скапывался съ облаковъ, довольно низко носившихся надъ нашими головами; надъ нимъ кружила хищная птица и иногда, опускаясь, какъ бы задевала крыломъ своимъ поверхность воды. Водопады, кошорые находишь въ книгахъ, кошорые идишь смотрѣть нарочно, всегда почти мнѣ не нравились; но шуть внезапность, неожиданность эяого зрѣлища меня восхищала и съ эяого времени подобныя явленія возобновлялись на каждомъ шагу. Я думалъ, что попалъ въ гости къ Оссіану. Это была истинная долина о сна потокахъ, узкая и звучная долина Кола. Только въ Норвегіи, послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней, можно найти такое изобиліе текучей воды, такую роскошь водопадовъ. У каждой скалы былъ свой каскадъ; всѣ они были различ-

ны формой, видомъ, живописнымъ дѣйствіемъ: одинъ падалъ справа, съ вершины скалы, сходящей у самой дороги; слева видѣлъ я другой водопадъ, которій бѣжалъ на противоположномъ боку долины; еще другіе грохотали невидимые, какъ бы подземный громъ. Одинъ плянулъ нипью бѣлой пѣны по черному гришу; другой какъ покрывало опадѣлся отъ скалы и развивался въ воздухъ; здѣсь вода, молча спустилась по ошлогой покатости; тамъ однимъ скачкомъ пала въ узкую долину, стремилась какъ рѣка, или разбивалась на множество мелкихъ ручьевъ. Одинъ водопадъ вырывался въ полу-горѣ изъ широкаго гроба и какъ необъятный конусъ погружался основаніемъ въ бездну. Другой покрывалъ цѣлый бокъ скалы своєю широкою и прозрачною пеленою. Я видѣлъ особенно два водопада, которые соспавляли совершенную противоположность красиваго съ ужаснымъ: первый казался какъ бы лентою, которую невидимая рука пускала надъ вершинами пихтъ и березъ; другой былъ какъ бы огромный раненый змѣй, которій шатишь по горѣ чешуи своеи и крушится въ своей пѣнѣ.

Я знаю, что описывать подобныя явленія значить напрасно шеряшь слова и что чшатили боящся недоккихъ успій писателей, которые стараются выразить красоты природы; но согласишесь, что челоѡкѣ, которій видѣлъ сошнн каскадовъ, можно проситишь описаніе какихъ нибудь шеспи.

За Довръ-Фильдомъ природа принимаетъ еще

поразишельвѣйшій характеръ величія и уединенія; формы горъ спановялися свѣже, должны разнѣряются и тогда открываются неизмѣримые небосклоны, какіе видывалъ и поюво въ Норвегїи. По мѣрѣ пого, какъ подвигаешься къ свѣтру, зелень, истинное украшеніе сихъ странъ, все спановялася свѣже и свѣже; она безпрестанно восхищаетъ зрѣніе; можно даже сказать, что эта зелень ослабительна, такъ она жива и блестяща. Эта безпрерывная зелень заспалаетъ всѣ горы, лежашъ по берегамъ всѣхъ озеръ и попоковъ; взбираетъ на самыя крупныя бока скалъ и вѣнчаешъ самыя оспрыя вершины. Кроваи хижинъ зеленѣющъ, какъ поля. На нихъ расспетъ также овесъ, такъ, что шамъ можно косить или жать даже. Иногда на кровляхъ расспетъ и мелкій кустарникъ, такъ что они похдятъ на садъ.

Красота Норвежскихъ пихтъ извѣстна. Эти деревья спановялися шѣмъ красивѣе, чѣмъ ближе подвигаешься къ полюсъ, за которою роситъ ихъ уменьшаешся; точно такъ видишь крупныхъ Норвежцевъ не задолго до пого, какъ прївзаешъ къ малорослымъ Лапландцамъ. Холодъ какъ будто благопрїятствуетъ развитію человека и нѣкоторыхъ растеній, впрочемъ до нѣкоторой только степени, за кошою излишество его вдругъ ихъ оспанавливаетъ. Береза, кошоная одна раздѣляетъ съ пихтою владичество надъ шшими пуспыными зелени, также достигаютъ шшамъ высоты, неизвѣстной въ нашихъ спра-

нахъ. Форма ея величественнѣе, вѣнны болѣе вну-
 шены къ землѣ; она часто походитъ на плаву-
 чую лѣву, и блѣдная, пѣдная ея земля красиво
 опдѣляется отъ густой зелени пихтъ и увесе-
 лены ихъ печальность.

Мы приближались къ Дронштейму, древней
 столицѣ Норвегіи; но ни что не возвышало бли-
 зости города, въ которой десяти тысячъ лѣтне-
 лей: уединеніе было все то же; необоримые небо-
 склоны, неизмѣримые лѣса и людей нигдѣ; огромный
 масситоръ, наспавленныхъ одинъ за другими; обшир-
 ные пространства зелени, обширные простран-
 ства воды. Вообразите при всемъ видѣ сѣрое небо,
 дневный свѣтъ безъ блеска, какъ будто не соиз-
 щеть производимый, такъ онъ тусклъ и тѣменъ; не-
 чальность безконечную и совершенное спокойствіе:

Провхавъ послѣдній пихтовый лѣсъ, попомъ
 пусынные луга, похожіе на всѣ предыдущіе,
 подымаешься на небольшую высоту и думаешь,
 что идешь по же пусыни; но вдругъ видишь
 подъ ногами красныя крыши Дронштеймскія. При
 видѣ Дронштейма нельзя не вспомнить о Хри-
 стіаніи. Оба города столицъ на концѣ одного
 изъ эпихъ многочисленныхъ *fjords*, или морскихъ
 рукавовъ, кошорые далеко входятъ во внушрен-
 ность Норвегіи. Дронштеймскій фюрдъ длиною въ
 тридцать лѣ. До самаго моря эпю безпрерыв-
 ный лабиринтъ острововъ, островковъ, мысовъ
 и носовъ; но передъ Дронштеймомъ заливъ со-
 вершенно свободенъ. Стѣна изъ скалъ, идущая
 полукругомъ, ограждаетъ его со всѣхъ сторонъ.

Линь только островок Мункъ-Гольмъ лежитъ посреди этого обширнаго бассейна, на восьмидесять часовъ лё отъ берега, прямо противъ главной Дронштеймской улицы. Съ обѣихъ сторонъ города идутъ два ряда скалъ, какъ будто огромные бастионы; на одномъ изъ нихъ, если вѣрнѣе преданію, стоялъ замокъ грознаго Гаконъ-Ярла, послѣдняго языческаго царька въ Норвегіи, который, по словамъ Саги, принесъ въ жертву богамъ собственныхъ дѣтей своихъ. Кроваваго повѣствіе Саги весьма у мѣсна въ виду этого моря и на этихъ скалахъ.

Мѣстоположеніе Дронштейма напоминаетъ Христианію, но видъ сихъ городовъ производитъ совершенно различное впечатлѣніе. Въ Христианіи, не смотря на характеръ величія и печали, напечатлѣнный на берегахъ ея, все еще находишься, если можно такъ сказать, въ пріятной Норвегіи; въ Дронштеймѣ, напротивъ, видишь уже глубину настоящей Норвегіи, Норвегіи суровой.

Тунъ море уже истинно печальный Сѣверный Океанъ; шутъ нѣтъ уже мягкости въ очеркахъ, нѣтъ округленныхъ формъ; прямыя линіи, отвѣсныя скалы, подводные камни. Въ Христианіи обильная расщипельность покрываетъ берега и острова и даже спускается въ самыя воды. Здѣсь находишься почти на предѣлахъ расщипельности; зелень все еще прекрасна; но деревья уже видишь изрѣдка; ихъ замѣчаешь, считаешь, о нихъ жалеешь; даже шуманы гуще, шемнѣе; здѣсь какъ будто, теряешься въ самыхъ

оподобенныхъ окраинатъ живаго свѣта, въ до-
ельднихъ предѣлахъ вселенной.

Дронпгеймъ весь деревянный; въ немъ одно-
шодно каменное зданіе: соборная церковь. Улицы широки, прямы, пересѣкаются подъ прямыми
углами и обшпавлены домами красными, желтыми,
зелеными, синими; въ этой песчроцѣ, конечно, нѣтъ
никого монументальнаго, но она какъ-то веселитъ
зрѣніе. Въ наружномъ украшеніи этихъ
домовъ, не смотря на преспохну матеріаловъ,
видна роскошь; въ Дронпгеймѣ есть дома, (на-
примѣръ домъ Губернатора) которые могутъ
почестись деревянными дворцами. Входъ въ эти
дома часто бываетъ украшенъ поршикомъ; ко-
лонны Коринтскаго ордена поддерживаютъ клас-
сическій фронтонъ и заноютъ великолѣпный входъ
ведущій въ домъ, котораго внутреннія стѣны со-
стоятъ изъ пихповыхъ бревенъ, лежащихъ одно
на другомъ, какъ въ самыхъ уединенныхъ гор-
ныхъ хижинахъ.

На другой день по пріѣздѣ, въ Воскресенье,
мы пошли въ церковь. Дронпгеймская Соборная
церковь считается древнѣйшимъ памятникомъ
Скандинавской Архидиекшуры. Но въ ней нѣ-
сколько разъ былъ пожаръ, и потому трудно опре-
дѣлить первоначальную ея форму. Въ этой церкви
короновались древніе Короли Норвежскіе и на
основаніи государственныхъ законовъ должны
короноваться и нынѣшній Государь.

Выходя изъ церкви, мы были поражены ви-
домъ кареты, красной, съ вышуклыми золотыми

украшениями и такой спиральной формы, что добную карепу можно найти развѣ только на Фландрскихъ картинахъ времени Карла V. Эпопъ геническій экипажъ, изгоняемый услышавъ новыяго вкуса изъ одной спираны въ другую, намчалъ наконецъ убѣжище: оны новыкъ мочъ, въ эпопъ опдаленномъ городѣ — гдѣ осцавовенлись на прошедшемъ; попому что насцолщес не ученьо еще достигнуть гуда. Проспранносцъ раземноднѣ производнцъ шо же дѣйсствѣ, какъ и опдаленіе вѣковъ.

... Въ шомъ же день мы, съ нѣсколькымъ Дронггеймскимъ мнѣшамъ, осмаиривади Соборную церковь въ подробносци. Я радовался, что нахожусь на почвѣ древнихъ Скандинавскихъ преданій; я надѣялся собрать множество любопытныхъ разсказовъ и поэтическыхъ легендъ. Одинъ изъ насъ, приговорившись по вѣному предмету, сдѣлалъ нашимъ провожанымъ нѣскольکو вопросовъ о Свяшомъ Олафѣ и Олафѣ Тригвазонѣ; но эти вопросы чрезвычайно запруднили ихъ. вмѣсто отвѣта, они свели насъ въ небольшую комнату, въ кошорой, по ихъ увѣренію, Свяшой Олафъ была заключенъ, вѣроятно за нѣскольکو спольшій до ея поспройки. Мы спросили, нѣтъ ли въ церкви какихъ любопытныхъ предметовъ. Конечно, они вѣчали намъ провожаные, и корели насъ смолпрѣлѣть новыи органъ, на кошоромъ одинъ мальчикъ игралъ весьма хорошо. Нѣтъ ли какихъ древнихъ камяниковъ; намъ ошвѣчали, что естѣ и показали нѣво ребенка, мабальзамированное, по

словамъ наникъ провожающимъ, лишь за пятнадцать
силъ предъ шить.

Въ Дронштеймской Библиотекѣ есть, какъ
живъ кажешься, вещи весьма замѣчательныя, но
она въ величайшемъ безпорядкѣ. За внимъ не
спонно: вздншь никакъ далеко. Впрочемъ, эпюнь
безпорядокъ не удивилъ меня, когда я узналъ,
что Библиошкаръ въспнть и органиспть ннц, дунт
нн: сказанъ, что органиспть служнтъ, въ случаѣ
нужды, Библиошкаремъ.

Эпюнь человекъ довольно забавнымъ обра-
зомъ доказалъ намъ свое невѣжество. «Вошнть,»
сказалъ онъ намъ, указывая на Арабскую руко-
писк: «вошнть Алкоранъ на Китайскомъ языкѣ.» Я
началъ увѣрять его, что Магометъ писалъ на
Арабскомъ языкѣ; но онъ принялъ видо весьма
душно и усилн мои оспалнсь щцепными. Онъ
оспался при своемъ инвнн и, по всей вѣроят-
ности, и пелерь еще твердо убѣжденъ, что Ав-
торъ Корана былъ соотечественникъ Конфуція.

Пробывъ въ Дронштеймѣ не долго, мы не мо-
гли изучнть характера и обществнннхъ обы-
чаевъ жителей той страны. Намъ говорили,
что тамъ есть довольно богатые купцы и ме-
жду прочимъ, въ Дронштеймѣ одинъ купеческнй
домъ, у котораго четыре милліона и четырнад-
цать кораблей, а прежде было тридцать кораб-
лей. Разговоры шуземцевъ, происходившіе при
насъ, показали намъ бѣдность города на счетъ
общественныхъ увеселеній. Прежде былъ тамъ
Сперный Театръ, на которомъ играли любители

ли; но онъ рухнулъ за недосыпкомъ голосомъ Зимю, единственныя забавы супъ балы и концерпы. Впрочемъ, къ этому надобно прибавить гаспронемическія увеселенія; копорыи еще съ героическихъ времени играли на Сѣверъ важную роль; здѣсь особенно любящъ пивъ, а ѣдая въ Норвегіи, какъ кажется, меньше чѣмъ въ Германіи; чшб, впрочемъ, еще не значить, чшбы шамъ былъ мало. Но жестокость спужа, копорая при извѣстной степени, уменьшаетъ аппетитъ, дѣлаетъ необходимыми крѣпкіе напитки; за шо они въ Норвегіи въ большомъ упошребленіи. Въ обыкновенныхъ собраніяхъ цѣлый вечеръ подають пушъ, какъ во Франціи оржадъ и воду съ сахаромъ. За обѣдомъ вода спрого запрещается. Я ни какъ не могъ къ этому привыкнуть и когда просилъ воды, хозяева мои обижались, не постигая этого спраннаго вкуса и думая, чшо къ вино мнѣ не нравилъся.

Въ отношеніи къ общежитію мѣстоположеніе Дронштейма весьма не выгодно. Тамошніе жители далеко отъ всего; Гамбургъ и Копенгагенъ — ихъ Парижъ; но за шо шамъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, уцѣлалъ слѣды древнихъ Норвежскихъ нравовъ и всѣ пушенеспивенники, посѣщавшіе этошъ городъ, единогласно хвалящъ госспримство и радушіе Дронштеймскихъ обшителей.

Окрестности Дронштейма не представляють ни какого особеннаго характера; деревьевъ почши не видно, холмы низки, живописныхъ

мисль совсѣмъ нѣтъ. Только вездѣ удивительная зелень и на горизонтѣ великолѣпное море, обсаженное скалами, или лучше сказанье пыльными горами.)

Все это кажется гораздо лучше въ сумерки, чѣмъ днемъ; хотя мы были въ Дронпгеймѣ 19 Августа, но еще нѣсколько часовъ по закатѣ солнца было совсѣмъ свѣтло. Мы хорошо узнали тамъ много спранныхъ свѣтъ, эпохъ день безъ тѣни, какъ будто сіяли изъ другаго міра. Кажется, будто весьма ясно видѣть оплывающіе очерки, между тѣмъ: разсмотрѣвъ хорошенько, замѣчаешь, что эти очерки исчезають изъ виду и что нарисовать ихъ не можешь. Помню, взглянувъ подѣ себя, удивляешься какъ ясно оплывающіе предметы въ видѣ полусвѣтъ. Этого: таинственный свѣтъ кажется наполняетъ дневнымъ свѣтомъ. Съверху онъ сглаживаетъ рѣзкія формы, украшаетъ формы незначущія и разливаетъ на всѣ предметы какую-то неопредѣлимельность, которая весьма хорошо идетъ къ сѣверной природѣ.

Предъ выѣздомъ изъ Дронпгейма, я захотѣлъ прослѣдиться съ Сѣвернымъ Океаномъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, я сѣлъ на берегу моря и тамъ глубоко былъ проникнутъ всѣмъ, что есть суроваго въ этой спральной и мрачной природѣ. Горы были одѣты густымъ шуманомъ, который, казалось, соединялъ небо съ моремъ, и сквозь который неясный свѣтъ падалъ вскользь на волны. Эти блѣдныя волны

безпрерывно разбивались о черныя и желтыя скалы; востокъ, покрывавъ пѣною, ополупали и снова разбивались о камни. Море было повсем пуспо; одинъ только корабль бисиро; иедь, сквозь дождь, вдоль берега. Наступилъ вечеръ; движение вдоль смѣшивалось съ ошавомъ; сузерки нечувствительно замѣняли долгій и блднй закатъ солнца. Тогда при шумѣ волнъ, при свистѣ северныхъ вѣтровъ, при шависивенномъ еванъ оумеркъ, въ какомъ-то пошпическомъ головокруженіи, я совершенно забылъ нынѣшній Дронштейнъ, съ его шортами, съ его дарками, со всѣми его пошлостями. Я перенесся на минушу во времена Царей моря, Скальдъ и боговъ Эды. Разумѣется, что эта минута была не-продолжительна; я снова упалъ въ существенность, вспомнилъ, что я не герой, даже не Скальдъ, и печально возвратился въ госпиталь.

IV.

ШВЕЦИЯ. — ЛАПЛАНДЦЫ.

Новая Сенокольская дорога. — Схвата по оврагамъ. — Сходство между Швейцаріею и Швеціею. — Разность между Шведами и Корвецками. — Походъ къ Лапландцамъ. — Видъ ихъ земли. — Лапландское оленевство и стадо оленей. — Госпитальство, обряды. — Обликъ, языкъ, происхождение, вѣроисповѣданіе Лапландцевъ. — Видъ северной Швеціи. — Музыкѣ-Географъ. — День рожденія Геше.

Вывисно того, чинобы вланы по обыкновенной дорогѣ изъ Дронштейма въ Сенокольмъ, проходящей чрезъ Рерась и Далекарію, мы рѣшились нусилиться по ловой, еще неокончанной дорогѣ, чрезъ Эсмерзундъ, на северъ отъ первой. Дронштеймскій Губернашоръ Генераль Бирке, долженъ былъ осмашривать эту часть ашой дороги, на которой еще работали. Намъ конилось перейхать съ нимъ черезъ горы. Въ назначенный день, мы явились на послѣднюю станцію, гдѣ накомъ Генерала съ его едншою. Опъ вѣного наспа до Шведской границы осмашеяся около нащнадцати лѣтъ, на которой дороги еще не существоуешь. Мы должны были пролзати вно проспрансиво, чинобы крѣбыти въ Швецію. Надебно было пробираться черезъ лѣса, болѣта и скалы, и вно возмжно только съ помощью удивительныхъ илуземныхъ лошадей. Мы употребили на вно олдуюшце два дни. Эта повѣдка и постъ.

щеніе Лапландцевъ было самою любопытною и упоминательною частію нашего путешествія.

Караванъ нашъ имѣлъ видъ довольно оригинальный: впереди ѣхали Генераль со своими офицерами; потомъ нѣсколько полсѣяковъ, Дронштеймскихъ купцевъ; мы съ нашими иностранными лицами; Насторъ въ своей шляпѣ съ широкими полями, и шестивіе заключалъ обыкновенно Минералогъ изъ Христианіи, ученый Профессоръ Эсмаркъ, въ большомъ карпузѣ изъ сѣраго поярка, въ шинели изъ зеленой вощанки, измѣной безчисленными множественными складокъ, и съ фушларомъ его барометра, привязаннымъ за плечами, на подобіе козлана. Разнообразіе костюмовъ и фигуръ, неуклюжесть нѣкошорыхъ изъ нихъ, смѣсь военныхъ съ купцами и вицями ученыхъ съ овонимъ барометромъ, на длинной и высокой лошади, — все это придавало небольшому нашему поезду, хотя рехиерь живей и забавней, который часно сдѣлалъ насъ. Черезъ нѣсколько времени ѣзды, дорога кончилась и намъ надобно было преобразованскъ скъезъ нѣкны, по болотной почвъ, кой-гдѣ испещренной скалами. Гнилыя деревья часто загромождали дорогу; надобно было перѣззати въ бродъ-полюди; лошади почти безпрерывно укладывали по грудь въ болото и дощичи были посредственно доверши и жертиная вытаскивали ноги изъ ираръ, погружаяны въ шилу, въ которой они завязали. Я не разъ удивлялся, съ какими ис-

курсивомъ ампутировались отъ изъ закру-
 ченій, по видимому совершенно непреодоли-
 мыхъ. Казалось, будто они, чувствуя, узнавая
 невредимы помы, когда прудности была санк-
 цию: велика и ноги ихъ уходила въ землю гад-
 нуюли заупитивалась какъ бы въ шепеталъ, до-
 ниде, ни сколько не пугалась, оспанафавалась на
 минуку какъ бы для шова, чиноба разгоралась
 сканюль свой и невономъ рашиниалыкъ усмалемъ,
 калашни сдѣланинны, вырвалась изъ шова. На
 скалакъ инсиникны мѣль была не менше удив-
 лелалъ; онъ набиралась и спуссалась не скапалъ,
 на каторыкъ былъ шовинесоду неслѣтко было охрат-
 ннны рашовѣсир, иногда онъ мѣлалась за мѣлѣй-
 ния выпуклосни скала, иногда напругали заднѣхъ
 ноги и жакны образомъ сканывалась. Иногда
 прытали съ висопны въ шова, на тѣлицу, на
 конторой было мѣсна, на брѣвѣ шова сколако ну-
 жно для помѣщенія чепырель ногъ и шуднъ мнотъ.
 вонно оспарававалась, какъ бы приколанила.
 Сама собою разувивалась, шва дѣе мѣль шаконъ
 оучалъ, тогда изъ ле шроваан онъ оспавалалъ мнотъ
 конную свободу. Не смотря однако жъ на удивитъ
 неслѣткою ловкосни мѣлнхъ коней, шрудности
 доройкѣ были мѣркѣ, вѣмки, чинотъ въ мѣль насъ, къ
 норме не шлалъ въ мнотъ мѣлнхъ пѣйкомъ, на
 сколько разъ падали не съ лошади, но съ лошади.
 После величайшихъ и самыхъ мѣлнхъ усидѣй,
 лѣнда иногда падала въ болѣнно, ошдокъ расщел-
 ралъ ноги и, ни сколько не ушибалась, уходилъ

*

нилась. Обыкновенныя посаженія этого оди-
наковы и въ Швейцаріи и въ Норвегіи, то есть, что
бракъ не только дѣлается необходимымъ, но уже
непремѣнно за вами слѣдуетъ. Подобный присту-
покъ ни сколько не вредитъ добруму имени дѣ-
вушки, но молодой человѣкъ лишился бы чести,
если бы не захотѣлъ загадать своей вѣны.

Впрочемъ это не одно соотношеніе, ко-
торое можно замѣтить между жителями Сканди-
навіи и нѣкоторыхъ частей Швейцаріи. У посе-
ленъ Гаелійской долины есть преданіе, что они
происходятъ отъ Шведовъ. Увѣряютъ, что и
норвегіе, которыми говорятъ они, имѣетъ нѣко-
торое сходство со Шведскимъ языкомъ, и я на-
шадъ у Стокгольмскихъ женщинъ обаятъ жи-
тельницъ Гаелійскихъ. Напримѣръ, прекрасная
Бріенцкая ледочница имѣла совершенно Швед-
ское лице. Въ малыхъ Кантонахъ сохраняется
весьма древняя саага, въ которой разсказы-
вается ихъ ебверное происхожденіе; но есть еще
одинъ фактъ, который, можетъ быть, неоспори-
мѣ всего прочаго доказываетъ родство ихъ:
это существованіе у Бернскихъ дѣтской игры, въ
которой говорятъ отрывки слова, совершенно
непонятныя для нихъ, кно ихъ произнесши. Та
же самая игра, съ тѣми же самыми словами, суще-
ствуетъ у Кененгагенскихъ дѣтской; а они, конечно,
не сговаривались съ дѣтскими Бернскими. Исто-
рія дѣтскихъ игръ, сказокъ коренницъ и бабьихъ
пословицъ имѣетъ различіе яркій свѣтъ на Ис-
торію рода человеческого. Это предается на

огромными разстоянiя, существуетъ вѣки, никогда не изобрѣтаются и переживаются иногда законы, обычаи, царства.

Назавтра мы продолжали походъ свой, и этотъ день былъ еще труднѣе перваго. Лошади наши имѣли еще болѣе случаевъ выказать свою силу. Посреди болотъ мы вдругъ встрѣчали крупныя скалы, на коихъ и пѣшеходу не взобраться бы безъ успаи и большой ловкости. И что-жъ! всѣ наши кони вскарабкались шуда, не переломавъ себѣ ногъ. Это было зрѣлище истинно любопытное; на склонахъ скалъ шпукъ съ двадцати лошадей, изъ коихъ одна скользила, другія кашлемся, третьи удерживались въ своемъ паденiи, какъ бы висѣли на поводѣхъ; нѣкоторые со своими всадниками шли уже спокойно на высь, другія еще возмись со своими въ рытвинахъ. Крики поселенъ, безпорядочность впои степи, дикая и обнаженная природа, насъ окружавшая, доставляли бы прелестную картину Горацию Веррешу или блестящую сиракицу Вальшеръ-Скокину.

Наконецъ, къ большой нашей радости, добрались мы до Шведской границы. Мы съ удовольствiемъ чувствовали, что идемъ уже по землѣ шведской. Я уже въ третiй разъ възжаль въ Швецию и възжаль въ нее съ сѣвера, чтобы исканъ юга въ Снокгольмъ.

Мы были приняты Полковникомъ Воје (Voje), Командиромъ Земляндскихъ егерей, и однимъ изъ лучшихъ Шведскихъ офицеровъ. Онъ выѣ-

хвалъ на встрѣту Генералу Бирке съ нѣмъ, что-бы возвратившись по той же дорогѣ, и все шло для забавы.

Перезавъ изъ Норвегіи въ Швецію, мы наконецъ имѣли предъ глазами различный образчикъ противоположности, существующей между караванерами вѣнскихъ двухъ народовъ. Ничего не можешь быть различнѣе Генерала Бирке съ его добрымъ и спокойнымъ лицомъ, и блестящаго Полковника Бойе, съ его живымъ видомъ, различными и ловкими шлодвиженіями. Даже его бобровая шапка, надѣтая на бекрежь съ воинскимъ кокетствомъ, составляла совершенную противоположность съ Дронштеймскою командною фурашкою Генерала. Эти два человека, оба въ своемъ родѣ люди ошачиные, были сномъ же не одинаковы, какъ и видъ ихъ; а націи ихъ сномъ же различны какъ они. Право, ихъ долговременная вражда и взаимное ошращеніе, которое эти два народа сохраняють и понынѣ, ни сколько не удивляють, когда внимательно наблюдаешь природныя ихъ противоположности. Трудно постигнуть въ Скандинавіи печать совершенно молуденную, которую носятъ на себѣ караванеры Шведовъ и по которой друзья называютъ ихъ северными Испанцами, а не-друзья северными Гасконцами.

Намъ очень хотѣлось видѣть Лапландцевъ. Они бродяшь со своими оленями вдоль вѣнскихъ горъ, которыя отдѣляютъ Швецію отъ Норвегіи и въ которыхъ только они одни могутъ жить.

26 Августа мы пускаемся, чтобы посмотреть
ихъ на кочевьяхъ. Для этого надобно было пере-
ночевать въ послѣднемъ Шведскомъ гардѣ. Мы
намъ справились хорошенько, гдѣ можно опы-
сать Лапландцевъ; это не совсемъ легко, по-
тому что они очень часно оскалываютъ мѣсяцъ
своего зимельсва, покидаютъ свои шалаши и
идутъ опроще къ на другихъ мѣсяцъ.

Чтобы добраться до нихъ, намъ надобно
было проѣхать двенадцать лѣ по шравъ пе-
чинъ какой же, какъ див, по которой мы уже
ѣхали, только немножко поуже; потому что
звуть уже невозможно было употреблять ло-
шадой: въ бѣднѣе не справились бы съ этими
пушечь; намъ надобно было пробираться безъ
пролаженной дороги, цѣлкомъ, по болотамъ
и рысинамъ.

Въ пятидесяти шагахъ отъ жилища, коню-
рня мы оставили за собою, вспрѣчили мы уже
бесковенныя болота, въ которыхъ мускались.
Мы было присежановились, увидѣвъ, что намъ
рѣшительна придется иногда уходить по коле-
но въ черную грязь; но были такъ близко отъ
Лапландцевъ и не видѣли ихъ для того, что-
бы не замочить ногъ, объ этомъ нельзя было
и подумать. Сдѣлавъ первый опытъ подобнаго
пушешествія, мы освоились съ нимъ, и потомъ
шли болѣе въ воду и въ илль, чѣмъ по сухой
землѣ.

Слѣдомъ, въ которой мы тогда находились,
безъ сомнѣнн, самая гадкая во вселенной. Надобно

видна ея, чтобы узнать, до чего можно дойти
 природы въ этомъ отношеніи. Вообразите почва
 совершенне голую, кой-гдѣ мшечковидныя мшечки
 въ кучками или кизкини, изкривленными бареза-
 ми, большого часцію безъ мшечковъ, длинны
 стеклянныи въпродъ, другими обгарьлыми и не
 своей блдой коросты, мшечками почернзлой ошъ
 огня, похожими на обожженныя скелены. Эка
 ободранная спрнра, не производитъ ни какихъ
 другихъ расшеній, кромъ болопныхъ мховъ; она
 все состоитъ изъ рывинъ и скалъ. Невозможно
 привыкнуть къ этой переннй швердоспи
 ночи, пошому что она на каждомъ шагѣ из-
 мѣняется. Нога безпрерывно или уныраетъ
 въ остроконечность граница или уныраетъ въ
 пшну. Все видимое пространство : усаяно без-
 численными мшечковидными лужина; долыми камуш-
 ко изводженными, и на скалахъ иногда нахо-
 дитъ болена, или лучше сказать, все, что ак-
 дитъ, есть не что иное, какъ болена, усаяное
 скалами. Вода состоитъ изъ наслощій фунда-
 ментъ этой спрнры. Впрочемъ, шудъ попадаемъ
 ся и земля, но шолько изрѣдка.

Мы надѣялись встрѣтить хоть пару мед-
 вѣдей, чтобы довершить наши свѣрныя при-
 ключенія, но не шшли этого удовольствія.
 Шведскіе крестьяне нападаютъ на насъ съ
 удивительною неустрашимостію. Подковникъ
 Бойе показывалъ намъ мшечковъ, бмашаго
 одишкы въ полжени, изъ котораго шрно вы-
 ходитъ другой: не выходя. Онъ драалъ съ медвѣ-

демя и упалъ въ обморокъ; пришедъ въ чувствую-
щя увидѣлъ, что звѣрь хоронитъ его, какъ со-
баки зарывающъ всегда козель, чѣпоби съѣсть
ее прося. Онъ не лишился мужества, вскочилъ
на ноги, снова началъ бой и, не смотря на то,
что уже былъ ослабленъ борьбою, побѣдилъ сво-
его непріятеля, котораго обходился уже съ
нимъ, какъ съ съѣстными припасомъ.

Не разъ влзнуть въ бодошъ, непрерывно
поднимавшихся на холмы, чѣпоби опять спу-
скались съ холмовъ, и перебиравшись со скам
на скалу, мы наконецъ прибыли, измученные ус-
тадостью, къ послѣдному Шведскому гаарду, въ
которомъ должны были рѣшительно справиться
о хотель Лапландцевъ.

То было Воскресенье; жители гаарда зани-
мались чтеніемъ Библіи и пѣніемъ Псалмовъ.
Отецъ этого семейства жилъ одно изъ самыхъ
благороднѣйшихъ и спокойнѣйшихъ лицъ, какія
только я когда либо видѣлъ. Все семейство
казалось важнымъ и углубленнымъ въ религиозныя
размышленія. Подобное торжественное пред-
ничнаго дня эими добрыми людьми въ хижинѣ,
спящей, буквально, на краю свѣта, имѣло въ
себѣ нѣчто почтенное и прогнательное.

Первою потребностію нашею было отдох-
новеніе. Насъ свели въ одну изъ малыхъ жилищъ
гаарда, въ которой было нѣсколько носилей,
но есть нѣсколько медвѣжьихъ, волчьихъ, олень-
ихъ шкуръ, разоспанныхъ на землѣ. Къ несча-
стію, хижина была не довольно широка для

ного, чтобы мы всё пятеро могли улечься в ней друг подле друга; надобно было спать поперечно; в ожидании моей остреды, я пошел ходить по окрестностям гаарда и предавался, съ каким-то горестнымъ наслаждениемъ, прелести удаленія и уединенія. Я смотрѣлъ на озеро, на берегу котораго была расположенъ весь гаардъ и которое обгибало холмъ. Я думалъ о томъ, какъ дѣкъ и безжалостнѣе долженъ быть противоположный берегъ, котораго я не видалъ. Туль сплела лодка, но вѣрно не для того, чтобы переправляться черезъ озеро; а для того, чтобы ловить въ немъ рыбу. Члѣмъ двлашь за вширь озеро, да и куда идти за вширь озеромъ?

На другой день, часовъ въ десять, мы снова пустились въ путь, и на берегу другаго озера, у подошвы обнаженной и сипраиаго вида горы, вдругъ увидѣли стадо оленей, шнукъ въ присита, и Лапландское семейство, которое ихъ дошло. Эми полудикія живошныя цѣлый день бродятъ по скаламъ; шнукъ ихъ пажипи. Въ извѣсшномъ часу ихъ собирають посредствомъ коротконогихъ собакъ особой породы. Зрѣлище, которое вдругъ представилось глазамъ нашимъ, было истинно поразительно. Эми огромное стадо полудикихъ живошныхъ, которыя безпорядочно толпились: одни сплели неподвижно, другія дрались окровавленными своими рогами, изъ которыхъ вдругъ толпами бросались въ ту или иную сторону, какъ бы увлеченные какими-то бѣшен-

сноровъ: крики дѣтей, лай собаки, котормя преслѣдовали и стояли разбѣжавшихся оденей, мужчинныи и женщинныи, котормя ихъ дошли, все это составляло картину чрезвычайно оригинальную. Датляндамъ продолжали свою работу, не обращая на насъ большаго вниманія и не изъясляя никакого удивленія. Мы вошли въ среднюю спадъ, чтобы посмотрѣть какими скранными образомъ доить оленей. Мужчина или женщина держали въ рукахъ веревку, сушова въ весель надъ селъ данього, сложенную какъ иная часть бичевки лешящего змѣя, и бросали ее на ланей, котормыхъ хопъши койманъ, такъ чтобы рота ихъ загнувалась въ пещлю; потомъ, не спуская этой веревки, проворно обвертывали ее около рыла лани. Тогда подходилъ ребенокъ, бралъ веревку и держалъ ее крѣпко, между цѣмъ одна лань, такимъ образомъ привязанная, позволяла доить себя безъ большаго сопротивленія. Каждая самка даетъ очень мало молока; такимъ образомъ она отдѣляется скоро и, едва освободиншись, удаляется обыкновенно съ дикими прыжкомъ.

Накратчайшимъ путемъ привудилъ насъ искать убѣжища въ пещерѣ Лепарей; войдя въ него, мы чрезвычайно удивлялись тишинѣ этого жилища: оно все состояло изъ ископаныхъ сучьевъ, кой-какъ прикринныхъ грубою шланью; надобно было согнуться, чтобы проикнуть въ входъ пещеры. По среднѣ положенъ былъ четырехугольный камень, озужащій очагомъ; надъ

выривали у нихъ дрова, голодные и ночли натіе, совершенно походившіе на маленькія дикарей. Хорошо было бы машинографировать и упрощенные много шалаши: мы сидѣли вокругъ огня и пили оленье молоко: изъ бодячимъ деревяныиъ козней; спарал Дамландта: спелая, съ гнувшииъ надъ копадомъ и говошила, оръкъ и уже сказала, нашу обѣдь; собаки и дѣтки приводину мѣли: трубуу пѣвалъ, слушавшуву: дверно и подвѣкъ: пробкрамьсь въ хижину и жаконь, для доверденія карпшима, одинъ: изъ ошаникъ Нора кемцевъ, спелая: на колънахъ сѣлъ хижину, пресунувъ въ нее одну голову и прѣспрокойно луриль и рубку.

Дамландта, иривави и похливъ все мясо въ котель, и прикрыла его опрокинутого деревяною, паромкой и ошавила жакимъ образомъ мясо парилась въ олѣшечъ жирѣ; потомъ, чрезъ нѣсколько времени, вынула все это въ деревянную чашу, и мы съ помощью принадлежностей съ мамъ дули: Шведскъ: съ большими ашадниномъ сѣламъ, впошь соусъ, безъ ложки и безъ вѣдкы.

Между прочимъ какъ Дамландта мѣки искусно приговаривала нашу обѣдь, мы сдѣлали ей нѣсколько вопросовъ. Мы говорили на Шведски. Дамландта, имѣя безпрерывныя сношенія со Шведамъ, очень хорошо понималась впошь языкъ; но между собою они говорили по Дамландски. Это Финское нарѣчіе совершенно отличное отъ языка Скандинавскихъ,

весьма важное за приличное въ произноше-
ніи.

Языкъ на кошерахъ говорятъ Лапландцы и слово *Финн*, кошерины, они себя называютъ, свидѣтельствуя о томъ, что они составляютъ часть огромнаго семейства Финскихъ народовъ, къ которому, можетъ быть, принадлежатъ Гуи-нии и Ашцила и котораго обитатели, встрѣчающіяся нынѣ въ Финляндіи, Эстляндіи, въ губи-нахъ Нарваги, до береговъ Волги и до подошвы Урала.

Лапландка, оповѣщая на языкъ лэптонско-пресы, очень равнодушно и спокойно; вообще языкъ Лапландца не оказался намъ ни шуточ-нымъ, ни суровымъ и удивляетъ насъ видомъ спокойствія, благосостоянія, разумнаго и веселу-го кошерья. Мы не надѣялись найтиску ихъ, по-средствомъ ужасной бѣдственности.

Я спрашивала, соединяются ли когда между бракомъ Шведы съ Лапландцами; мы оповѣдали, что много никогда не бывали. Тамъ, обра-зомъ, хотя и на Шведской землѣ, но мы встрѣ-ли Лапландцевъ чистой породы, что подтвер-ждаютъ, впрочемъ, языкъ на которомъ говорятъ они между собою и даже и къ обаякъ. Они не бѣли чудовищно малы; но все ихъ и широ-подбородки и глаза, съ выемками угловъ при-поднятые и вообще черты Монгольской породы, на которую Финская порода похожа.

Языкъ, каждое семейство живетъ такимъ образомъ уединенно въ своей хижинѣ; болониская

сырана делается особенно весьма рыхлыми; но зима, которая образуется из всей этой сыраны обширное поле снега и льда, возстановляет нить; это для Лапландцев время деятельности, празднеств, путешествий. Семейства обляжались и составляли роды племен. Лапландцы, посредством своих собак, переносятся с места на место чрезвычайно скоро; я видел один из этих саней, в которых запряжены олени; они делают вид лодки: один скользит по снегу и Лапландец удерживает сани свои в равновесии палкою, которую надобно работать чрезвычайно проворно, чтобы не опрокинуться. Лапландцы употребляют также вместо коньков две узкие доски (лыжи), из которых одна длиною в шесть футов, а другая футом длинше. Не знаю как они могут двигаться в этой странной обуви; но она гораздо больше их самих; но между тем известно, что они на эти лыжи удаются скоро бегать, или лучше сказать скользить по снегу; это даже говорили, что один из Неравский батальон, который зимовал у нас, употреблял их.

Утверждают, что Лапландцы, особенно те, которые живут ближе к северу, доселе еще придерживаются язычества. Достоверно же, что из их редчайшее образование обращают мало внимания. Пасторы очень не много в этой обширной и мало населенной стране. Благодаря Лапландцу трудно искать духовных

особій льѣ за сорокъ, зимою по льду, льшомъ черезъ непроходимые болоша. Пасторы, которыхъ посылають къ Лапландцамъ, оспають у нихъ какъ можно менѣе; припомъ они. могутъ хорошо знать Греческій и Еврейскій языки; а Лапландскаго, никогда не понимаютъ; по этому они должны имѣть толмача, котораго переводить проповѣдь ихъ Лапландцамъ, фразу за фразой. Вы можете вообразить, что это не очень помогаетъ краснорѣчю Ораора и что онъ часто говоритъ одно, а Лапландцы слышатъ другое.

Правительство употребляетъ всевозможныя мѣры для того, чтобы заставить Лапландцевъ покинуть кочевую жизнь и сдѣлаться землепашцами; но до сихъ поръ рѣдко въ этомъ успѣвало. Иногда какой нибудь отецъ семейства соглашается поселиться на отведенной ему землѣ; но между тѣмъ основная часть семейства продолжаетъ вести блуждающую жизнь и бродитъ вокругъ жилища своего начальника. Часто случается, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ покидаетъ новое свое жилище и возвращается на свои скалы.

Эти скалы, по которымъ Лапландцы бродятъ со своими оленями, суть настоящія пажити, потому что онѣ покрыты мохомъ, которымъ олени только и питаются. Эти скалы простираются на западъ отъ снраны, которая въ Географіяхъ называется Лапландією; онѣ составляютъ, если можно такъ сказать, Физиче-

скую Лапландію. Тамъ гдѣ есть эпошь мохъ и шолько мохъ, могушь жить шолько олени и Лапландцы, которые живутъ ими.

По окончаніи обѣда, мы спали сбираться въ путь, потому что намъ надобно было долго идти, чтобы за свѣшло добраться до какого дибудь Шведскаго дома. Проводники наши, по обычаю той страны, пожали хозяйкѣ руку, сказавъ ей *такъ форматъ*, спасибо, за то что мы съѣли. Мы были испинно пронушы гостепріимствомъ бѣдныхъ и добрыхъ Лапландцевъ, которые, угоспивъ насъ какъ шолько могли лучше, не хотѣли было принять отъ насъ никакой платы. Надобно было упрашивать ихъ, чтобы они взяли бездѣлку, за которую они такъ были благодарны, что при уходѣ привѣтствовали насъ громкими восклицаніями, на которые мы отвѣчали отъ всего сердца.

Отсюда мы опправились уже на Югъ и страна, въ которую мы вступили, имѣла уже совсѣмъ другой видъ. Мы скоро прѣехали въ Темпландъ, большую долину Сѣверной Швеціи, въ которой явлюися каршныи споль же величественныи какъ и Норвегія. Тутъ-то именно надобно искать испинныи красоть Шведской природы. Кію былъ шолько въ Стокгольмѣ, шоль еще не знаешь Швеціи.

Мѣсто лужинъ заступили большія озера: мѣсто разсыянныхъ, какъ бы раздавленныхъ скаль, обширныи величественныи высонны; мы опашъ увидѣли иикны, — довольно страннныи признакъ

природы болѣе полуденной — съ радостію Испанца, котораго снова видишь померанцовыя деревья.

Многочисленные озера въ Сѣверной Швеціи вообще имѣютъ сообщеніе между собою, какъ озера сѣверной Америки; часто нѣсколько озеръ составляютъ собственно какъ бы одно озеро. На нѣкоторыхъ изъ нихъ есть перевозки, но эти берега рѣдко бывають посѣщаемы: путешественниковъ, разумѣется, шуть не ждуть и мы принуждены были долго оставаться на мѣстѣ, пока придетъ лодка. Я долго буду помнить одну изъ этихъ невольныхъ остановокъ. Въ одной уединенной хижинѣ, на концѣ озера Кальскаго, за коимъ живутъ одни Лапландцы, мы нашли мужика, который жилъ шуть одинъ съ женою; она была больна и испускала жалобные крики. Я ничего не видалъ печальнѣе этого дома, сподъ удаленнаго отъ всякой помощи, отъ всякаго утѣшенія. Этого мужикъ сносилъ сѣнанія жены своей и ухаживалъ за нею съ величайшимъ перпвнємъ. Вы можете вообразить какъ мы удивились, замѣтивъ, что онъ, въ этомъ уединеніи, занимается Географіею. У него были карты, которыя попали къ нему Богъ знаетъ какъ. Ему хотѣлось только книгъ, которыя бы объясняли эти карты и онъ просилъ насъ доставить ихъ ему. Если бы была какая нибудь возможность доставить что нибудь на берега озера Кальскаго, то мы, безъ сомнѣнія, исполнили бы его желаніе, чтобы поощришь спросишь къ уче-

нію, столь удивительную въ подобномъ уединеніи, страсть, какой можешь бышь, не встрѣпишь нигдѣ, кромѣ Скандинавіи.

28 ч. вечеромъ прибыли мы въ Шведскую деревню, коюрой названіе я забылъ. Помню только то, что она показалась предестною. Правда, что мы уже нѣсколько дней не видали ничего порядочнаго въ этомъ родѣ. Этомъ день былъ день рожденія Гёте. Двое изъ насъ были за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ Веймарѣ; они видѣли Пашріарха Липерашуры, во всей силѣ его свѣжей спарости, исполненнаго живоспи, доброты, любезности; они обыцали возвратиться къ 28 Августа, чшобы торжествовать со своими пріятелями праздникъ всего Веймара, всей Германіи; они не могли и вообразить себѣ, что будущъ въ этомъ день въ странѣ столь далекой отъ просвѣщеннаго міра, столь невѣжественной, что даже имя Гёте въ ней неизвѣстно.

Стокгольмъ и Упсала.

Озеро Мелларъ. — Прибытіе въ Стокгольмъ. — Окрестности этого города. — Шведская Литература. — Романшики. — Упсала. — Гейеръ. — Тегнеръ. — Ашшербомъ. — Гярта. — Полюшическая Исторія Швеціи. — Серебряная рукопись. — Давеморскія рукописи. — Свѣрное сіяніе. — Шведскій Король.

Я отправился изъ Упсалы (*) въ Стокгольмъ на пароходъ. Погода была хороша, небо подернуто облаками: но былъ осенній день, тихій, меланхолическій, совершенно гармонирующий со спокойнымъ и печальнымъ характеромъ береговъ озера Меллара; низкія скалы, округленныя, лѣсмыныя, красивыя линіи, однообразныя формы, уединеніе, вообще тихиы, сходящія до самой воды, но также клены, дубы, липы; шамъ и сямъ деревянныя красныя дома, какой нибудь новѣйшій, выбѣленный замокъ, выглядывающій изъ зелени: — вопъ все чпбъ взоръ встрѣчаешъ отъ Упсалы до Стокгольма.

Озеро по выпягиваешся рѣкою, по раскрываешся и образуешъ бассейнъ. Эти два вида

(*) Въ дорогѣ, по которой ѣхалъ я отъ сѣверныхъ границъ Шонландіи до Упсалы, нѣшъ ничего новаго, ни особенно замѣчательнаго; по этому я не помещаю ея въ этихъ очеркахъ и начинаю снова рассказъ мой съ той минушы, какъ я сѣлъ въ Упсаль на одинъ изъ пароходовъ, которые ежедневно ходяшъ по озеру Меллару между этимъ городомъ и Стокгольмомъ.
Прим. Соч.

слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ большаго разнообразія до тѣхъ поръ, какъ озеро въ послѣдній разъ расширяется. Тогда, выходя изъ довольно узкаго канала, видишь часть Спокгольма, обращенную къ озеру и развивающуюся въ длину по жрѣвь того, какъ углубляешься въ заливъ, котораго берегъ отчасти обставленъ зданіями.

Спокгольмъ выстроенъ не въ уровень съ водою, какъ Копенгагенъ, и не амфитеатромъ, какъ Неаполь; мѣстоположеніе его весьма странно и я думаю, что не видавъ его, трудно составить себѣ о немъ понятіе. Городъ разсѣянъ по сказамъ не одинаковой высоты, между моремъ и озеромъ Мелларомъ, котораго оба врѣзываются въ него своими выступами.

Я прибылъ въ Спокгольмъ ночью, съ тѣмъ головокруженіемъ, которое всегда чувствуешь, въѣзжая въ первый разъ въ городъ. Здѣсь это впечатлѣніе было еще усилено противоположностію безмолвныхъ пустынь, по которымъ я ѣхалъ, съ шумомъ столицы. Для Француза довольно странно пріѣхать въ Спокгольмъ съ сѣвера. Когда я думалъ иногда о томъ, что нѣкогда буду въ этомъ городѣ, то, конечно, не воображалъ себѣ лвишься шуда прямо съ границъ Лапландіи.

Вечеромъ я вышелъ изъ моей весьма дурной гостиницы. Въ Спокгольмѣ иностранцевъ не ждуть; для нихъ ничего не приготовлено; да и не мудрено: Спокгольмъ никому не по дорогѣ; тамъ живетъ совершенно внѣ Европейскаго движенія. За то одинъ молодой дипломатъ, ску-

чавшій въ Стокгольмъ, просилъ паспорта въ Европу.

Я пошелъ въ театр; тамъ давали Шведское подраженіе Нѣмецкому подражанію Парижскому Водевилью. Во всей Германіи театры завалены нашими мелкими пьесами. Куплеты Г. Скриба переносятся какъ бы эхомъ до эха, опть Парижскихъ бульваровъ до подошвъ Скандинавскихъ Альпъ. Переведенные, передѣланные, измѣненные, согласно съ духомъ каждаго народа, они скачутъ рикошетами, забавляющъ Германію, Данію, Швецію, Россію, когда въ Парижѣ публика, да можешь быть и самъ Авшоръ давно уже ихъ забыли. Путешествуя по слѣдамъ какого нибудь Водевила, можно бы объѣхать всю Европу и года полшора послѣ отъѣзда прибыть вмѣстѣ съ нимъ въ Констанцинополь.

Я вышелъ; воздухъ былъ очень тепель, судя по тому, что было уже 2 Сентября; луна совершенно полная, ночь прелестная. Опуманенный новостію всего, меня окружавшаго, еще взволнованный музыкою; еще ослѣпленный освѣщеніемъ театра, я пустился бродить безъ цѣли по этому странному городу, котораго я еще не видалъ порядочно. Я пошелъ въ сторону, проливную шой, съ которой прибылъ, въ сторону моря. Я нашелъ длинный мостъ почти въ уровень съ водою; перешелъ его, оспанавливаясь по временамъ, чтобы посмотришь на множество кораблей, спящихъ на якорѣ передъ окнами дворца, который возвышается квадратною

*

своею массою надъ городомъ, убьеннымъ луною; пошомъ я думалъ о томъ, что въ этомъ дворцѣ живетъ Король, поже прибывшій изъ далека, поже изъ Франціи и я размышлялъ о судьбѣ его, которая еще спрانیе всего меня окружающаго. Чрезъ нѣсколько времени очутился я на скалахъ, на которыхъ растутъ большіе дубы, а за этими скалами увидѣлъ омывающее ихъ море. Тутъ я сѣлъ, какъ бы очарованіемъ удержанный на мѣстѣ. Влѣво и вправо отъ меня были другія скалы съ былыми домами на верхушкѣ; вдаль видѣлъ я перешейки, заливы, острова; у ногъ моихъ разстилалось море, спокойное и блестящее, на которомъ непрерывно перекрещались легкія лодки, и большіе корабли, казалось, спали; позади меня городъ со свѣтомъ фонарей, со спускомъ экипажей, съ пѣснями народа; впереди, въ глубинѣ чистаго неба, луна полная и сіяющія. Эта температура, этотъ свѣтъ, эти деревья, отъ которыхъ я давно уже отвыкъ, меня восхищали. Я дивился, отъ чего при взглядѣ на Стокгольмъ, приходила мнѣ въ голову Италія; я былъ въ какомъ-то упоеніи и очарованіи. Если бъ я ухалъ въ ту же ночь, то Стокгольмъ являлся бы въ моихъ воспоминаніяхъ какъ какое-то дивное явленіе.

На другой день шелъ дождь; Стокгольмъ былъ все же прекраснымъ городомъ; но я не могъ постигнуть, что это тою же самымъ и что вчерашняя моя прогулка не сновидѣніе.

Я вошелъ на башню Церкви Св. Екашері-

ны, откуда видѣть самую удивительную панораму: Спокгольмъ между моремъ и озеромъ. Эта смѣсь воды, скалъ, домовъ, лѣсовъ, сославляющъ цѣлое, кошорое невозможно описать и трудно забыть.

Къ несчастію, въ Спокгольмѣ мало замѣчательныхъ зданій, даже мало красивыхъ домовъ. Въ этомъ отношеніи онъ ниже Копенгагена, но превосходитъ его своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Монументальнѣе всего Королевскій дворецъ, строеніе Итальянское, кошораго образецъ въ Флоренціи. Эта Итальянская Архитектура не совсѣмъ у мѣста, и много согласуется съ окружающими ее предметами. Между тѣмъ дворецъ по своему положенію производитъ эффектъ величественный; онъ возвышается на массѣ скалъ и владычествуетъ надъ городомъ и моремъ.

Церковь Ридеръ-Гольмская самая замѣчательная въ Спокгольмѣ по заключающимся въ ней гробницамъ, между прочимъ Густава Адольфа и Карла XII. Я хотѣлъ было спросить, гдѣ же гробница Королевы Христины, но вспомнилъ, что видѣлъ ее въ Римѣ, въ подвалахъ Петро-Павловской церкви.

Спокгольмъ, въ кошоромъ ~~только~~ ^{менѣе 225 м.} ~~десять тысячъ жителей~~, заключаетъ въ себя огромное пространство. Кромѣ мѣста, занимаемаго голыми скалами, кошорыя тамъ и сямъ возвышаются надъ домами, кромѣ промежутковъ воды, разделяющей разныя части города, онъ со-

держитъ въ себѣ поля, луга; мыца Королева, ведущая къ одной изъ оконечностей города, и длиною вѣрно въ половину льѣ, проходитъ по чистому полю.

Окрестности Спокгольма прелестны; въ нихъ какой-то особенный характеръ, что-то тихое и вмѣстѣ дикое, милое и уединенное.

Таково прелестное убъжище Гага; шаковъ паркъ, въ кошоромъ у самаго города, видишь прекрасныя дачи, уединенныя мѣста, въ кошорыхъ, кажешся, будто находишься далеко отъ жилищъ человѣческихъ. Тушь, углубившись въ льсъ пихтъ и дубовъ, окруженный гранишными скалами, усмашриваешь изъ своей пусыни большой ко рабль или маленькую лодку, кошорая скользитъ и шеряется за зеленью; пошомъ всѣ слѣды жизни исчезаютъ и можно вообразить, что находишься въ глубинѣ Норвегіи: пройдише нѣсколь ко шаговъ, и вы увидише подлѣ себя зданія сподлицы.

Нравы въ Спокгольмѣ совершенно Французскіе; памъ всѣ говорятъ по-Французски; Французскій языкъ въ Спокгольмѣ то же, что Нѣмецкій въ Копенгагенѣ. Густавъ III составлялъ планы своихъ Оперъ на Французскомъ языкѣ, и частныя его письма писаны по-Шведски, по по-Французски. Въ то время Французскій языкъ былъ въ большой модѣ и само собою разумѣется, что впа мода не уменьшилась въ царствованіе Короля Француза.

Густавъ III, кошорый имѣлъ споль траги-

ческую кончину, совершенно покорялся влиянію Французскаго духа, распроспранившагося въ осмнадцатомъ вѣкѣ почти на всѣ страны и особенно на всѣ Дворы въ Европѣ. Густавъ основалъ Академію, по образцу Французской и желалъ, чтобы Литература его Государства была сѣпкомъ съ нашей. Замѣчательно, что эпопъ Король-Литераторъ получилъ первую изъ установленныхъ имъ академическихъ премій и уже гораздо послѣ того былъ признавъ Авшоромъ увѣщаннаго шворенія.

Но сочиненія ни самого Густава, ни Писателей, которыхъ вербовалъ онъ въ свою Академію, не могли сосшавить Литературы національной.

Въ южныхъ странахъ Европы влияние Литературы Греческой и Латинской установилось безъ труда. Можно сказать, что тотъ же духъ перешелъ изъ однихъ въ другія. Христіанская Религія образовалась по языческой, новѣйшая Литература по Литературѣ древней; но религіозная и поэтическая форма, естественная на Югѣ, — на Сѣверѣ сосшавила противоположность съ идеями и чувшвованіями народовъ. Опъ этой противоположности произошли сначала порабоженіе, потомъ бореніе, наконецъ освобожденіе. Это освобожденіе именуется въ Религій Протестантшвомъ; въ Литературѣ назвали его Романтизмомъ; на Сѣверѣ надо бы было назвать его независимостію.

И дѣйствительно, чѣмъ далѣе къ Сѣверу,

тѣмъ явственнѣе эпошъ вопросъ обозначается. Франція, страна центральная, соединяющая въ себѣ и Сѣверъ и Югъ, прилежащая къ Германіи и къ Италіи, Франція слѣдовала линіи средней между двумя крайностями: она осталась Католическою; но Каполицизмъ въ ней чище, чѣмъ въ Неаполѣ и Мадридѣ; Литература ея, въ отношеніи къ формѣ, образовалась по Литературѣ древней, но между тѣмъ сохранила глубокий характеръ народности (*). Въ Германіи, въ Англіи, Реформація воспоржествовала и Литературное освобожденіе вполне совершилось. Въ Скандинавскихъ государствахъ должноствовало по необходимости быть рано или поздно также. И дѣйствительно, рыцарь, предшавитель, героическій мученикъ Реформаціи, Густавъ Адольфъ, явился въ Швеціи; но народъ, который былъ самымъ мужественнымъ поборникомъ религіозной свободы, оставался до нашего времени почти всегда подъ деспоическимъ вліяніемъ Французской Литературы. Особенно въ концѣ осьмнадцатаго вѣка, дѣйствіями Густава III и его Академіи, эпошъ чужеземное вліяніе совершенно преодолѣло

(*). Замѣчательно, что Франція, которая сначала слѣдовала за Югомъ, за Италіею при Францискѣ I, за Испаніею до Людовика XIV и за древнею Греческою и Латинскою Литературою въ царствованіи этого Государя,—начиная въ слѣдующей эпошѣ, вслухнула въ умственное движеніе Сѣвера. Осьмнадцатый вѣкъ опирается на Англію, девятнадцатый на Германію. *Прим. Сог.*

народную оригинальность. Правда, и въ то время являлись люди, истинные Шведы по душѣ и таланту. Въ пѣсняхъ Бедьмана, посреди безпорядка и забавнаго направленія его лирическихъ швореній, являющаго молніи глубокомыслія, незапамныя черпы прелести и задумчивости. Спегеліусъ, Поэтъ религіозный и наклонный къ мечтательности, но почерпавъ вдохновеніе изъ идей и добродѣтелей Христіанскихъ, но пробовалъ — въ такое время, когда Скандинавскія древности были еще весьма несовершенно извѣстны — опыскивать въ нихъ предметовъ для драмы и красокъ для поэзіи; но усилія его и нѣкоторыхъ другихъ Литераторовъ остались безъ послѣдствій. Даже люди, которыхъ таланту природа назначала въ удѣлъ оригинальность, какъ напримѣръ, несчастный Лиднеръ, опчасти уступили законамъ, которые налагала на нихъ, во имя чистаго вкуса, Государь, столь же дорожившій своею властію и въ Литературѣ, какъ въ политикѣ; и въ началѣ нынѣшняго вѣка царствовалъ безраздѣльно опличившій изъ представителей Классической Школы, почтенный Леопольдъ, когда возспала противъ этой школы пламенная оппозиція, которая должна была ее имспровергнушь.

Замѣчательно, что призваніе Французскаго Генерала къ наслѣдію Дома Вазы подало случай къ возстанію противъ Французской школы въ Литературѣ.

Дѣло въ томъ, что революція, возведшая на престолъ Генерала Бернадоша, была револю-

цією либеральною; независимость вещь зарази-
тельная и либературное освобождение послѣдо-
вало именно потому, что совершилось освобож-
деніе политическое.

Нападеніе началъ журналъ, подъ заглавіемъ *Полифемъ*. За нимъ вскорѣ послѣдовала другой, *Фосфоросъ*, котораго редакторами были молодые Упсальцы, люди, исполненные дарованій, убѣжденія, жара, иногда суровости. Это былъ Шведскій *Glabe*, съ шюю только разностию, что направ-
леніе *Глобуса* было болѣе Историческое, *Фосфо-
роса* болѣе метафизическое. Онъ опираясь болѣе на Германскую Философію, проявлявшуюся въ нѣ-
сколько измѣненномъ видѣ въ твореніяхъ поэша-
моралиста Торивада и мыслителя Гейера (Ножег), одареннаго сильною способностію къ отвлечен-
ности. Эпими-шо идеями и особенно твореніями Кампа и Фихте, сообщено было умамъ новое движеніе. *Фосфористы* поддерживали Германскія Либературныя теоріи, переводили Германскія произведенія и подражали имъ; шо была еще не свѣжая народность, но по крайней мѣрѣ стрем-
леніе къ этой цѣли; потому что между Шведами и Нѣмцами существуетъ братство по происхо-
жденію, сочувствіе по природѣ, родство по языку. Но всего болѣе оживило Шведскую Либературу и придало ей всю ея индивидуальность—возвращеніе къ Скандинавскимъ преданіямъ. За политическими журналами, каковы были *Полифемъ* и *Фосфоросъ*, послѣдовала журналъ ученый, *Идуна*, въ которомъ

содержащяся многія весьма замѣчательныя критическія сшашья и прекрасныя пѣипическіе опыты.

Наконецъ, талантъ эпихъ юныхъ поборниковъ литерашурнаго возобновленія созрѣлъ и они подарили своему опечеству многія перво-классныя шворенія. Г. Гейеръ, который показалъ, что можно сдѣлать въ поэзіи изъ воспоминаній древней Скандинавіи, впоследствии совершенно посвятилъ свои дарованія Исторіи, и I-й томъ его *Шведскихъ лѣтописей* есть образецъ учености и проницательности. Г. Гале *Марскюльдъ*, пламенный питомецъ Германской Философіи, примѣшивающій къ ней нѣсколько Сведенборгскаго шуземнаго миспицизма, издалъ *Исторію Шведской Литературы* и *Исторію Шведской Философіи*. Этого прекрасный человекъ былъ еще въ живыхъ, когда я пріѣхалъ въ Спокгольмъ; но онъ спрадалъ уже болѣзнію, которая свела его въ могилу, лежалъ, блѣдный и изнеможенный, на постелѣ, съ которой уже всхавалъ не надолго. У него встрѣтилъ я Поэша Апшербома, котораго можно назвать Сѣвернымъ Ламаршиномъ. У него та же сладость мелодіи, прискорбія и винузіазма, но болѣе смѣлаго и неопредѣленнаго. Г. Гярта написалъ, подъ спраннымъ заглавіемъ *Ликовалъ дама*, Романъ, очевидно внушенный Верперомъ, Романъ, въ которомъ со спраспю, какою умѣешь предспавлять ее Гѣше, смѣшивается попеременно воображеніе заоблачное, довольно похожее на Жанъ-Полево и носящее на себѣ печать генія мрачнаго, въ которомъ чувствуешь

грусть истинно Скандинавскую. Но поразительномъ парши нововоидишелей была Поэма Тегнера *Фриггюфъ*. Прекрасная и прогательная Ишорія, послужившая предметомъ Поэмы Г. Тегнера, сохранилась въ преданіяхъ и передана Сагою. Авторъ долженъ былъ заинтересовать читателя давшанадцатого вѣка нравами и чувствованиями осьмого столѣтія и большею частью весьма счастливо побдилъ эту трудность. Это одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ того, что можно извлечь для поэзіи нашего времени изъ предметовъ, заимствованныхъ изъ эпохи первоначальной.

Быть можетъ, что Г. Тегнеръ примѣшалъ глицкомъ большую нѣжность чувствованій къ суровымъ спрасиямъ героической эпохи, которую онъ иногда выражаетъ во всей ея силѣ. Кажется, будто читаешь Главу древней Саги, когда Поэтъ, который дѣйствительно въ этомъ мѣстѣ въ точности ей слѣдовалъ, показываетъ намъ Фриггюфа посреди волнъ, возмущенныхъ волшебною силою, надвѣяющаго товарищей своихъ золотомъ, чтобы они не съ пустыми руками явились къ Богинѣ моря; наконецъ герой и самый корабль его, корабль, одаренный жизнью, какъ Гомеровы треножки, вѣспѣ и нападающъ на чудовища, воздымающія бурю; Фриггюфъ поражаетъ двоихъ изъ нихъ своими стрѣлами, а неустрашимый корабль *Элида* пронзаетъ железомъ своего носа стрѣлою чудовище, плававшее предъ нимъ въ видѣ огромнаго кита.

Эта Поэма исполнена красотъ разнаго рода; она имѣла успѣхъ чрезвычайный, совершенно народный. Замѣчательно, что Авторъ награжденъ былъ за это языческое произведеніе— Епископствомъ. Въ Швеціи, гдѣ состояніе финансовъ не позволяеть роскошничать пенсіями и мѣстами безъ должностей, эту награду часто получаютъ Липерашоры и Ученые, оплачивающіеся совсѣмъ не даромъ проповѣдничества или познаніями въ Богословіи.

Споръ между двумя липерашурными партіями, рѣшенный самыми лучшими доводами — хорошими швореніями, окончился нынче совершенною побѣдою революціонной партіи. Аптербомъ даже имѣлъ прогашельное свиданіе съ преспарьльмъ Леопольдомъ; молодой романшикъ извинялся въ нѣкоторыхъ крипическихъ вольноспяхъ, копорыя онъ позволялъ себѣ въ *Фосфоростъ* и почтенный Пашріархъ классической школы, ослабшій опъ спаросши, примирился съ юнымъ своимъ соперникомъ. Такимъ образомъ между обими аріями была война, шоржество и замиреніе.

Упсаа естъ одно изъ мѣстъ, копорыя мнѣ непременно надобно было посѣтитъ, особенно для того, чтобы видѣть замѣчательныхъ людей, копорые живутъ тамъ. Спѣша въ Спокгольмъ, я только провхалъ чрезъ Упсаалу; но пошомъ возвратился шуда. *Вотъ вы не мѣстѣ естѣ*

При въздѣ въ Упсаду я замѣшилъ тамъ пустошу и печальность; по было время вакацій. Студеншы, копорые обыкновенно одни ожа-

вляють университетскій городъ, были въ опустушеніи и совершенное молчаніе царствовало въ пустыхъ улицахъ. Ничто не объясняетъ переплывыхъ трудовъ Сѣверныхъ ученыхъ лучше трудолюбиваго и спокойнаго вида ихъ Университетовъ.

Устройство Упсальскаго Университета почти такое же, какъ въ Германскихъ, съ измѣненіями, принятыми въ Копенгагенъ; здѣсь такъ же какъ и въ семь послѣднемъ городѣ, нѣтъ справки къ дуэлямъ, кошорою заражены Нѣмецкіе студентсы; и здѣсь также имъ не только не запрещаютъ собиращься по народамъ и составляющь общества, извѣстныя подь названіемъ *Ландманншафтовъ*, кошорыя такъ пугаютъ другія Государства, но напрошивъ требуютъ, чтобы каждый молодой человекъ, вступающій въ Университетъ, записывался въ число студентовъ своей провинціи, а если онъ иностранецъ, то своей націи. Отъ вшихъ обществъ никогда не происходило ни малѣйшаго вреда и Университетъ даже доставляетъ помѣщеніе для ихъ собраній.

Я посѣтилъ Г. Гейера и обратился разговоръ на *Исторію Швеціи*, кошорою онъ тогда занимался.

Время соединенія трехъ Королевствъ, совершившагося въ царствованіе Маргериты Вальдемарской, было для Швеціи временемъ рабства и угнетенія. Съ воцареніемъ Густава Вазы возродилась ихъ независимость. Со временъ этого великаго человека корона перестала быть изби-

рательною, какъ она была дополь: она осталась въ фамиліи Вазы до тѣхъ поръ, когда была возложена на голову Бернадошца. Въ царствованіе Густава-Адольфа женщинамъ даровано право всшупашь на престоль. Во время несовершеннолѣтія Христины, аристократія сдѣлалась могущественною. Карль XI нанесъ первые удары ея вліянію и съ тѣхъ поръ началась между ею и Королевскою властію борьба непрерывная. Въ царствованіе Ульрики, сестры Карла XII, и супруга ея Фридриха I-го, Королевская власть была ограничена. Въ это-то время, сказалъ мнѣ Г. Гейеръ, Французскіе дипломаты называли Швецію республикою. Штаты собирались каждыя три года и не могли бытъ распущены Государемъ. Все было въ рукахъ Штатовъ; они объявляли войну и заключали миръ, измѣняли цѣнность монеты, захватывали судебную власть учрежденіемъ временныхъ судищъ, исполнипельную власть — Тайнымъ Комитетомъ, въ которомъ собственно заключалось правительствво; законодательные акты долженствовали бытъ подписаны Королемъ, но онъ не могъ отказатьсь отъ этого. Въ 1756 году Діета объявила, что подпись Короля, въ случаѣ его отказа, должна бытъ прилагается *штемпелемъ*. Густавъ III хотѣлъ возвысить Королевскую власть; онъ сдѣлалъ воззваніе къ Далекарійскимъ мужикамъ, которые вспомоществовали ему противъ дворянъ; писмо ея Анкаспрома прекратилъ эту борьбу Королевской власти съ аристократіею. Эта ненависть

знанныхъ фамилій къ Королевской власти есть лучшее ручательство за будущность нынѣ царствующаго Дома.

Я былъ принятъ въ Упсаль съ самымъ искреннимъ радушіемъ многими молодыми людьми новой школы. Само собою разумѣется, что нѣкоторое соперничество должно существовать между Спокгольмомъ, городомъ, въ которомъ образованіе совершенно Французское, гдѣ еще владычествуютъ въ Философіи и Литературѣ идеи осмнадцатаго вѣка, гдѣ царствуютъ науки Физическія, которыхъ предшавителемъ знаменитый Берцеліусъ — и Упсалою, въ которой сосредоточивается созерцательное стремленіе, кристическое и позшическое, подобное Германскому. Опъ этого, какъ мнѣ показалось, рождаются въ созерцательныхъ умахъ Упсальскихъ нѣкоторая оппозиція противъ положительнаго направленія столицы. Эту оппозицію обвиняють въ миспцизмъ и даже нѣкоторой наклонности къ политическимъ и религіознымъ формамъ среднихъ вѣковъ; но я думаю, что ее не поняли. Если какой-то мелочной либерализмъ и могъ испугать умы возвышенные, то только потому, что онъ казался имъ деспотическимъ и невѣжешвеннымъ. Нововводители не могутъ быть врагами успѣха и независимости.

Въ Упсальской Библіотекѣ есть сокровище для меня неоцѣненное, — знаменитая рукопись, известная подъ названіемъ Codex argenteus, серебряной рукописи.

Она содержишь въ себѣ переводъ на Готической языкъ части Библии. Этошъ переводъ сдѣланъ въ четвертомъ столѣтїи Арїанскимъ Епископомъ, Готфомъ Ульфиласомъ для брашій его, жившихъ въ Мезїи. Это древнѣйшїй памятникъ Сѣверныхъ языковъ. Ульфиласъ изобрѣлъ азбуку, которая была измѣненїемъ Греческой (*) и употреблялъ нѣкоторый родъ печатанїя. И дѣйствительно, въ этой рукописи, на фиолетовомъ полѣ отдѣляющагося выпуклѣя, обыкновенно серебряныя литеры. Заглавныя литеры нѣкоторыхъ Главъ и даже цѣлыя мѣста шекста напечатаны золошомъ и также выпуклы. Это заставляетъ думать, что литеры были вырываемы инструментомъ изъ бумаги и наклеиваемы на фиолетовое поле.

Любопытна Исторїя этой рукописи. Она открыта въ 1597 году; въ одномъ Аббашствѣ въ Вестфалїи и перевезена въ Прагу. По взятїи Праги Шведами въ 1648 г. она найдена въ добычѣ и отправлена къ Христиану; но приключенїя ея вѣдѣнїемъ не ограничиваются. Она была сначала украдена солдатомъ, а потомъ Литераторомъ; по крайней мѣрѣ въ этомъ обвиняющъ ученаго Фоссіуса. Достоверно то, что по его смерти, эта рукопись выкуплена была у его наследниковъ Магнусомъ Делагардіемъ и подарена

(*) Г. В. Гриммъ полагаетъ, что это была одна изъ формъ азбуки, общей въ то время разнымъ Германскимъ народамъ. См. Deutsche Runen.

Упсальскому Университету. Она тщательно сохраняется въ запечатомъ ящикѣ.

Изъ Упсалы поѣхалъ я посмотрѣть Данеморскій рудникъ. Этого рудникъ не походитъ ни на какой другой. Тутъ нѣтъ ни мрачныхъ колодезей, ни подземныхъ галерей, но широкая, открытая пропасть; руда вытаскивается на поверхность земли ведрами, которыми поднимаетъ машина, дѣйствующая посредствомъ лошадей. Чтобы спуститься въ рудникъ, надобно сѣсть въ одно изъ этихъ ведеръ. Есть что-то страшное въ минутѣ, когда ведро отдѣляется отъ земли, колесо начинаетъ вертѣться, машина скрипитъ и чувствуешь, что висишь на бездной. Потомъ видишь вокругъ себя скалы, въ безпорядкѣ одинъ на другія набросанныя; и какъ бы волшебствомъ спускаешься посреди сего живописнаго хаоса; два или три рудокопа, сидя верхомъ, или споя на колышкахъ на краяхъ ведра и держась за канаты и цѣпи, на которыхъ висишь оно, не даюшь ему удариться объ углы скалъ, вспрѣчающіяся ему на пути. Вскорѣ начинаешь различать людей, работающихъ въ глубинѣ рудника, слышишь стукъ молотовъ и жалобное пѣніе рудокоповъ. Между тѣмъ все продолжаешь опускаться движениемъ довольно скорымъ, но ровнымъ, безъ поспрессій. Огромная веревка, на которой вы висите, носится надъ вашей головою, какъ лента, волнующая легкимъ вѣтромъ. Слѣдуя за нею глазами, видишь, какъ она поспешенно все сплывающаяся шнуръ и почти-исчезаетъ. Кажется, буд-

по ничто не поддерживаетъ васъ въ этой ужасной глубинѣ. Наконецъ ведро касается до дна, его опивязываютъ и вмѣсто его прицѣпляютъ другое, которое машина уноситъ къверху. Нельзя удержаться опъ въкопорого препепя, впрочемъ не безъ пріятности, когда видишь, какъ это ведро, наполненное рудою, поднимается по тому же пупи, по которому вы спускались, уменьшается по мѣрѣ возвышенія и достигая края, кажется уже почти почкою. Чувствуешь что-то странное, говоря самъ себѣ; «вопъ какъ я попалъ сюда и какъ долженъ опсюда выбраться.»

Доспигнувъ дна рудника, вы видите предъ собою одно изъ самыхъ необыкновенныхъ зрѣлищъ. Бока рудника кажутся желѣзными стѣнами. Дно во всякое время покрыто льдомъ. Прохаживаясь по этому льду, смотря на эти высокія желѣзныя стѣны, я думалъ о Даншовомъ адѣ, какъ вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ надъ собою блѣдную и пріятную синеву неба, свѣпъ прекраснаго дня и легкія облака, скользившія надъ моею головою. Тогда уже думалъ я не объ адѣ; я вспомнилъ о прелестномъ *гистилищѣ*, въ копоромъ, по словамъ Поэпа, прелестный цвѣпъ воспочнаго сафира распускается въ ясномъ воздухѣ.

Ощущенія, копорыя испыталъ я, путешествуя посреди пространства, пакъ мнѣ понравились, что я захотѣлъ возобновить это путешествие. Я поднялся и снова спустился. Къ

счастію, полдень приближался и скоро надобно было поджечь мину. Я вошелъ съ рудокопами въ хижину, защищенную скалою, гдѣ они укрывающіяся ошъ взрыва. Никогда я не слыхивалъ преска, великолѣпнѣе этого. То былъ какъ бы океанъ шума, вдругъ разлившійся по безднѣ и наполнившій ее. Я шомчасъ началъ подниматься посреди дыма и пыли взрыва, клубившихся облаками вокругъ меня, подѣ моими ногами, надъ моею головою и увеличивавшихъ живописность скалъ, меня окружавшихъ. Иногда эши вихри совершенно обхватывали меня; небо исчезало, верхняя часть веревки скрывалась, и я оставался какъ бы безъ опоры, вися между небомъ и бездною. Наконецъ я вынесся изъ облака, съ наслажденіемъ чувствовалъ себя на землѣ и чрезъ нѣсколько минушъ съ радостію быспро покатился въ маленькой моей шельжкѣ, вдоль прекраснаго озера, посреди красиваго дубоваго и березоваго лѣса, освѣщеннаго солнцемъ.

По возвращеніи въ Снокгольмъ, ожидало меня другое зрѣлище, еще болѣе поразительное: зрѣлище сѣвернаго сіянія. Я шелъ домой съ однимъ пріятелемъ, вечеромъ, при свѣтѣ луны. Вдругъ видимъ мы, что по небу разливается бѣловашый, неясный свѣтъ. Мы подумали сначала, что это освѣщенное луною облако, котораго мы прежде не замѣтили; но это было нѣчто еще менѣе плошиое, еще болѣе неопредѣленное; это походило на млечный пушь. Межъ тѣмъ какъ мы оспавались въ недоумѣніи, образовалась свѣщая

почка, начала распространяться, и вдруг рассыпались по небу огромные снопы, длинные мечи, неизмеримыя ракеты; попомъ всѣ эти формы перемѣнялись и вмѣсто ихъ явился лучезарный сводъ, съ котораго лился дождь свѣта. Но большею частію то, что происходило предъ нашими глазами, не могло бытъ ни съ чѣмъ сравниваемо. То были явленія скоропреходящія, неописуемыя и съ прудомъ постигаемыя взорами, шакъ быспро они одно за другимъ слѣдовали, одно другое замѣняли, одно другое уничтожали. За секунду не возможно было предвидѣть, что предсавишь небесный калейдоскопъ. То, что мы, казалось, видѣли, исчезало, когда мы еще не успѣли составить себѣ объ этомъ ясной идеи. Это дивное зрѣлище непрерывно какъ будто оканчивалось и снова начиналось и не возможно было замѣнить перехода отъ одной декорации къ другой. Мы не знали, когда онѣ являлись на небѣ; онѣ какъ будто всегда тушь были. Однимъ словомъ, ничто не можетъ дать надлежащаго понятія о подвижности, прихотливости, неуловимости этихъ блестящихъ игръ ночнаго огня; а между тѣмъ еще луна, тогда полная, вредила своимъ свѣтомъ блеску сѣвернаго сіянія. По этому-то цвѣтъ его былъ блѣдъ и блѣденъ. Иначе къ измѣненію формъ прибавилось бы еще измѣненіе цвѣтовъ, отблески красные, зеленые, огненные, которые придаютъ иногда сѣверному сіянію видъ огромнаго пожара. Но за исключеніемъ этого, то, которое

мы видѣли, было одно изъ самымъ великолѣпныхъ; оно продолжалось нѣсколько часовъ, безпрерывно возобновляясь, перемѣщаясь, преображаясь; и намъ говорили, что лѣтъ тридцать уже въ Спокгольмѣ не бывало такого прекраснаго сѣвѣрнаго сіянія.

Предъ опѣздомъ моимъ изъ Спокгольма, я имѣлъ честь быть приглашеннымъ Ихъ Величествами Королемъ и Королевою Шведскими; Карлъ Іоаннъ охотно оказываешь это оплечіе своимъ соопечесивенникамъ. То было первое мое свиданіе съ коронованною главою. Я боялся, чтобы оно не прошло въ незначащихъ вопросахъ со спороны Монарха и въ ничтожныхъ опвѣсахъ съ моей спороны. Въспо этого я имѣлъ удовольствіе слышать, какъ Король цѣлый часъ чрезвычайно умно и благородно говорилъ о революціи, о Франціи, о самомъ себѣ, своей судьбѣ и своей полишкѣ. Я съ гордоспію видѣлъ единственнаго представителя Французской славы, оставшагося на Европейскомъ провъ и съ удовольспвіемъ вспоминавшаго по время, когда онъ былъ республиканскимъ Генераломъ. Я не умю выразить, какъ прискорбна была бы мнѣ даже пѣнь забвенія этого рода. Тщеславіе царствования, ослащившее челоуька геніальнаго, какоеъ былъ Наполеонъ, заспаляло меня спрашиться такой же слабоспи опъ его спараго собрата по оружію. Но ничего подобнаго не было, и я не безъ умиленія слышалъ изъ царокихъ усть до-

спомянутыя слова: «Я, республиканецъ на тронъ!»

Наконецъ послѣ прекраснѣйшаго Сентября, проведеннаго въ Спокгольмъ, я съ сожалѣніемъ отшуда увѣхалъ, понуждаемый позднимъ временемъ года, кошорое со дня на день могло сдѣлаться холоднымъ и ненастнымъ. И снова было у меня подъ глазами однообразное, уединенное, меланхолическое зрѣлище Швеціи. Я видѣлъ Ландсъ-Крону, гдѣ стоишь Шведскій военный флотъ, портъ замѣчательный по великолѣпнымъ бассейнамъ, высѣченнымъ изъ гранита, и Кальмаръ, знаменитый по союзу, слишкомъ восхваляемому, кошорый, вопреки своему имени, посѣялъ между прѣмья Скандинавскими Государствами, насильственно соединенными подъ однимъ скипетромъ, сѣмена раздора, существовавшія нѣсколько вѣковъ. Съ живѣйшею радостію увидѣлъ я снова въ Скандинавіи природу Франціи и Германіи. Наконецъ я прибылъ въ Ишпадъ, портъ, въ кошоромъ я вышелъ на берегъ, когда въ первый разъ спулилъ на землю Государствъ Скандинавскихъ, кошорыя шеперь объѣхалъ. Пароходъ, привезшій меня изъ Германіи, отвезъ меня туда споль же благополучно, какъ и прѣжде, и я очутился на Грейфсвальдскомъ берегу въ такой же прекрасный день, въ какой, за три мѣсяца прѣдъ шѣмъ, отправился въ Швецію.

К О Н Е Ц Ъ.

